

Олег Лукошин

*Владелец
тревожности*

Роман

Олег Лукошин

Владелец тревожности. Роман

«Издательские решения»

Лукошин О.

Владелец тревожности. Роман / О. Лукошин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838071-6

Я и сам, признаться, встречал приход холода с распостёртыми объятиями, мне нравилось видеть терпящую поражение природу. Но не всегда: порой и мне становилось грустно от этих бурых снеговых туч, рассеивающих во все стороны тьму. Я ловил снежинки ладонью и всхлипывал — мне было жалко себя. Себя весёлого и жизнерадостного, купающегося в огненной яркости солнца. С возрастом эмоции притупляются — я не чувствую сейчас ни радости, ни сожаления.

ISBN 978-5-44-838071-6

© Лукошин О.
© Издательские решения

Содержание

Вектор первый. К себе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владелец тревожности

Роман

Олег Лукошин

© Олег Лукошин, 2018

ISBN 978-5-4483-8071-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вектор первый. К себе

Было сумрачно.

Мир утратил надежды на благополучное завершение своего существования и сделался серым от горя. Надежды жили в нем всегда, жили тайно, трепетно, но... Завершения всегда неблагоприятны. Наивные вселенные имеют склонность тешить себя иллюзиями, осознание приходит постепенно, истина вызревает медленно, жгуче. Распускается вспышками. Крахом. Конец – так называется прозрение. Это итог, черта, за ней – отсутствие, за ней – ничто. К нему приближаешься постоянно, ежесекундно, и время бывает за, оно бывает искренне, оно старается помочь – приближение пределов задерживается, берега висают в отдалении – но не замирают. Время тоже бессильно, оно тоже боится раскаяния. Мир задумывается, мрачнеет, набухает пороком и злобой, погружается в сумрак. Глаза, жаждавшие видеть тьму, видят её. Видят не беззвучием, не застывшей гранью, не маслянистостью черноты, ручейками заполняющей безбрежность, – видят серостью. Сумрачной серостью неба, пыльной серостью земли, тревожной серостью леса, беспокойной серостью вод. Блеклость – зыбкая, туманная, тяжело и надменно нависает над землёй, она сыра, она вязнет на пальцах – её соскабливаешь порой. То именуется днём. Потом блеклость тускнеет, выворачивается наизнанку, просит называться ночью. Ночью и зовётся. Ночь – тот же сумрак, но страшнее. Степенность не сдерживается порой, невинная блеклость наливается скорбью, – пытливый глаз улавливает тревогу и видит ночь. Критичность выправляется вскоре, заносы стираются натруженной правильностью, стороны меняют отражения. Зыбкая блеклость, печальный сумрак опять окрашивают горизонт равнодушием – оно позитивней отчаяния. Дни нравятся больше. Откос начертан, схемы заверены, сползание осуществляется с ехидной неизбежностью, – мир узнал, он понимает, ему ведомо...

В воздухе царил тягостная и беспросветная вялость. Шли дожди, непрерывно, механически – пространство размеренно и степенно наполнялось влагою. Влага – жизнь, жизням будет естественней во влаге, её немало уже сошло с небес. Ну а вялость... чувство скучное, да, но не лишённое приятности. Порой её хочется, порой о ней мечтается – погрузиться в недвижность и забыться. Тот самый, первый, тот – мечтавший всех яростней и безрассудней – не удостоился чести лицезреть свои грёзы в реальности, но они осуществились. Недвижность – её так много теперь, что движение рассматривается порой лишь как теоретическая предпосылка, философская аллегория. Мало кто верит в него сейчас. Недвижность, забвение – они действительно приятней движений и осознанности. Неосознанно, бестрепетно совершая утверждённую цикличность, – погружение в сон, пробуждение из него – довольствуйся имеющейся приятностью. И желания немые: лишь в суете, быстроте и хаотичности – давно забытом, давно проклятом – отмеряли они свои рубежи. Здесь же их нет, здесь они не нужны.

Кучка деревянных построек, обозначавших человеческое поселение, была почти неприметна. Они жались к земле, будто стесняясь показать себя. Нескончаемый дождь превратил дороги в месиво и пять десятков изб, неизвестно как уцелевших на этом клочке потерянности, застыли посреди грязи, словно одеревеневшие монстры, потерявшие смысл существования. Они сложились в несколько неровных рядов – как раненые солдаты, пытающиеся сохранить дисциплину и боевой дух – сложились, формируя собой некий символ, знак. Космические пустоты отражали его и считывали: «Всё бессмысленно. Всё тщетно».

Люди, впрочем, не покинули их. Вот из трубы струится робкий дымок. Вот раздаётся скрип заржавевших петель. Вот слышится кашель – они здесь. Их не всегда видно, но они есть. Конечно, дым не соответствует застывшей вокруг свинцовости, скрип нарушает её, но они приспособиваются к ней и надеются на благосклонность. Свинцовость снисходительна. Дверь стучит о косяк, усталые шаги разносятся по окрестности, плевков летит в жижу – свинцовость

не обижается. Звуки эти не нарушают её величия. Усталость шагов вновь тревожит тишину, маленькое соло ржавого металла длится мгновение, дверь посылает ещё одну тревожную ноту, гулко ударяясь о косяк, – пьеска сыграна, мизансцена зафиксирована. Вот и чьё-то лицо, едва заметное, едва угадываемое, настороженно взирает из крохотного оконца. Лицо морщинисто, подвязано платком – оно грустно и безмолвно. Скорая гостя предвечного, приветствую тебя! Ждущая итогов, шлю тебе поцелуй!..

Почерневшая от времени избушка на отшибе казалась наиболее ужасной среди всех монстров. Некоторые из них были ветхими, гнили, как и эта, но былая прочность, основательность угадывались в них и сейчас – монстры ещё ждут, монстры не прочь восстать однажды из пепла, вознестись в вышину, обрести прекрасную веру в сущее – лишь получи они верный к тому знак. Этот же был безнадежен. Разочарование его было полнейшим и бесповоротным. Он врвался наполовину в землю, осунулся, покосился, превратившись в нечто бесформенное, уродливое и омерзительное. Избушка держалась на честном слове, – один могучий порыв ветра наверняка превратил бы её в прах, но ветер уже не тот сейчас, он больше не рискует закручиваться в смерчи, а потому прогнившие брёвна ещё держатся.

В нескольких метрах от избы начинается откос. Косой забор обозначал земельные владения монстра. Стоявшая у забора баня едва возвышалась над землёй. Могло показаться, что тут просто закидали досками яму. Но баня была рабочей: в ней имелась дверь и окно, внутри стояла скамья и выложенная шершавым булыжником печь. Кроме бани в огороде имелся покосившийся улей, один-единственный и вроде бы с пчёлами, несколько кустов малины, несколько стволов яблони и терновника. От бани к противоположной стороне забора вела тропинка. Она упиралась прямо в незакрывающуюся калитку.

Несмотря на заброшенность и ветхость, присутствовала в осанке этого дома и некая гордость, а презрение к окружающему – оно также фиксировалось здесь – казалось правдоподобным и искренним. То была гордость беспросветности, презрение отчаяния – к не уяснившим ещё собратьям, что всё окружающее – тлен. Презрение, понявшего это. Понявшего и смирившегося.

– Вадим! – раздался в окно избушки стук. – Ты дома?

Человек, лежавший на кровати, не пошевелился. Он смотрел в потолок. Там, в самом его центре, красовался крюк для люльки. Был он массивен и на вид крепок. Люльку не подвешивали к нему несколько десятилетий, и потому выглядел он сейчас одиноко и жалостливо.

– Вадим! – повторился стук.

Человек не шевелился. В избе было натоплено, – за задвинутым засовом печки потрескивали дрова. Посередине кухни на шатком табурете стоял таз с грязной водой. Электрический чайник, алюминиевая кружка, стеклянная банка с ложками и ножом, а ещё несколько коробков спичек – всё это заполняло самодельную полку рядом с печью. Старые газеты валялись на полу. В самой комнате было чисто: кроме кровати здесь имелся стол с двумя стульями и древний комод с отлетающей полировкой. Дверь справа вела в соседнюю комнату. Мебели здесь было еще меньше: кровать, крохотный стол и книжный шкаф с дюжиной потрёпанных книг. Где-то в углу таилась покрытая пылью радиолы – её не включали уже многие годы.

– Вадим!.. – снова раздался голос, и сейчас со всей определённой можно было установить, что был он женским. Звучал он уже не столь уверенно. – Нет его что ли...

Человек шумно выдохнул и приподнялся. Пружины жалостливо скрипнули, он свесил босые ноги, нащупал ими тапки и встал. Подойдя к окну, перегнулся через стул и открыл форточку.

– Дома всё же ... – сказала ему вместо приветствия женщина.

– Угу, – отозвался он носом.

Женщине было под пятьдесят. Она улыбалась, выставив напоказ два ряда железных зубов, заполнявших всю левую половину её рта. Улыбка от этого казалось неприятной.

– Держи, – протянула она ему трёхлитровую банку с молоком, закрытую грязной крышкой с трещиной на краю.

– А, молоко ... – отозвался Вадим, принимая банку.

Разогнувшись, он поставил её на стол, потом несколько минут вяло шарил глазами по избе. Вспомнив что-то, высунулся в окно опять.

– Маш, – сказал женщине, – я ведь разбил вчера банку.

– Из под молока? – сморщилась та. – Мою?

– Ага.

Она всплеснула руками.

– Ну, блин! Спасибо тебе большое!

– Случайно получилось, – буркнул Вадим.

Мария недовольно качала головой.

– Я заплачу, – сказал Вадим. – Сколько банка такая стоит?

– Понятия не имею, – пожала плечами женщина. Их ведь не продают просто так.

– Ну, десять рублей она стоит?

– Не знаю.

– Сорок рублей если я тебе дам: тридцать за молоко и десять за банку – нормально будет?

Мария, продолжая качать головой, цокала языком.

– Не знай, не знай... Не продают такие банки.

– Ладно, – сказал Вадим. – Пятьдесят рублей тебе дам.

Он сделал несколько шагов к комоду, открыл дверцу и, пошарив в нём, вновь вернулся к окну.

– Вот, на, – протянул женщине деньги.

– Ну ладно, ладно ... – бормотнула та примирительно, принимая их.

Вадим потянулся к форточке, считая разговор законченным, но Мария, неприятно улыбувшись, снова заговорила.

– Как дела-то у тебя?

Вадим поморщился.

– Нормально, – ответил после паузы.

– Ходил куда, нет?

– Вроде нет. А что?

– А пойдёшь?

– Не знаю.

– А, ну ладно, – покивала она, но не уходила.

– Чего новенького-то? – спросил Вадим неохотно.

– Всё так же, – скривилась Мария. – А, кстати... К тебе цыгане не приходили?

– Нет.

– Сейчас ведь цыгане тут орудуют. Где-то за рекой табором встали. Больше на Светлую ходят, но к нам тоже заглядывают. У Николая Ильича сегодня ночью были.

Вадим усмехнулся.

– Ну и что, много крови?

– Чуть-чуть до того не дошло. Ты не слышал шум ночью?

– Нет.

– Он ведь на всю деревню орал. Перестрелять их грозился.

– Да, нехило, – покивал Вадим. – Ладно, тётъ Маш, спасибо тебе.

– Ладно, ладно, – отступила она назад. – С богом.

Беззвучно попрощавшись, Вадим закрыл окно.

От печи, едва он открыл засов, пахнуло жаром. Намотав на руки полотенце, Вадим придвинул к себе чугунок. Бульканье в нём стихло и показались картофельные бока. Он взял

из банки на полке вилку, ткнул ей пару раз в картошку – она была готова. Из-за печи, с пола, достал деревянный поднос, положил его на стол, а на него поставил чугунок. Потом нарезал хлеб и налил в кружку молока.

Ему было чуть больше тридцати. Сухое лицо, глаза чуть навывкате, русые волосы – наружность его, в целом приятная, казалась запущенной, диковатой. Движения были неторопливы, вялы, он даже взгляд переводил не спеша, словно это утруждало его. Я немного знал его в детстве, – он играл тогда в футбол в дворовой команде. Был хорошим футболистом, много забивал. Мог бы, если б хватило терпения, претендовать и на что-то большее. Но терпения не хватило, футбол он забросил без сожаления. Даже единственную свою грамоту – за звание лучшего бомбардира чемпионата города, потерял где-то. Я же свою – за лучшего арбитра – храню всю жизнь.

Было двенадцать часов дня. Дождь прекратился сейчас, но небо не прояснялось, – за окнами было так же сумрачно. Вадим отряхнул руки от налипшей картофельной массы и налил очередной стакан молока.

Она обернулась резко – быстро, воздушная. Вскочила, отпрянула.

– Как вы меня напугали! – уже спокойная, естественная. Оправила платье, опустила глаза.

«Это ты меня напугала!»

– Неужели я такой страшный?

– Да нет...

Глаз не отводила, смотрела прямо, вызывающе.

– Если побриться, то вообще красавцем бы были.

Два шага – короткий и длинный. Так первые, так пронизательностью. Спутники входят в орбиты, заряды идентичны. Улыбка, взгляд. Доверчивость – можно даже молча, можно даже без глаз. Оно ощущается кожей.

– На вот тебе гриб, – подберёзовик. Красивый, сочный. – А то что-то мало у тебя в корзине.

Взяла – ни слова. Пальцы соприкоснулись – очаровательно, мила – хотелось ещё. Прикосновения, гладкости. И марь, и томление – в изящном реверансе присела, привстала, положила гриб в корзину. Он не удержался, улыбнулся. Тут же сжал мускулы лица.

– Я ведь в лес больше не за грибами хожу, – так доверительно, так просто.

– А за чем же? – ещё волнение, не явное, бликами – было. Он сдерживался, он сжимал – линия вдаль, линия бела.

– Просто так, – улыбка детская совсем, голову склонила набок. – Побродить по лесу, подышать воздухом. Помечтать о чём-нибудь... Я люблю побыть одной.

Добро, нежность. Тепло обжигает, кипит – головокружительно, жгуче. Хочется как и до: чтобы по полости, пустой и гулкой, освобождённой от сора и скверны, разливалось, бурлило, вздымалось. Чтобы борозды клались вдоль, вдоль и плотно, чтобы глубина и накаты, чтобы без зазубрин и всегда вскользь – даже при малейшем толчке. Пусть всё просто – удивительно, непонятно, странно – но просто. Просто и естественно. Пусть в доверительность. Девушка, девочка... Красива, смирна. Без ослепительности, без шарма – ни ухоженных волос, ни чувственного оттенка помады, ни поставленного прищура глаз, ни элегантной походки. Одет скромно – голубенькое, поношенное платье. Сандалии. Жёлтые носки. У другой бы нелепо, но она – в кадре, плоскости врозь, рамка бела. Ей всё к лицу. Чёрные волосы вьются, голубые глаза сжигают. Округлости бёдер, загорелые ноги – стройные, высокая грудь. Полушария нежно, сок бурлит и, просачиваясь, капает. Прелестны, туги. Взгляд умён и цепок – он может смутить, смутиться не зазорно. Притягательное, манящее. Зов – слышен, памятен – зов из дальних чаш.

– Я тоже. Оттого, наверно, и приехал сюда.

- Вы в городе живёте?
- Ага... А чего мы стоим, давай пройдемся.

Прихватили корзины поудобнее – отойдя от орешника, двинулись вглубь леса. Погода была хорошей, даже солнце где-то между редких облаков. Август. Ветер слаб, лёгок, приятен. Под ногами извилистая тропа, кричали птицы.

Скованность и преграды. Абсолютность, повсеместность – можно выводить из ряда и поворачивать спинами. Колонны к центру, округлость в ядре, шествуют молча, строги. Сам – из тех же решений. Открытость зря, но к источнику лишь открытым и жаждущим. К ручейкам припадать губами – не пить, лишь касаться. Выпить позволят – однажды, в час откровений. Лепил, лелеял – она из форм и созвучий, на ноту приходит нота, на черту – черта. Лишь дуги свободны и целы.

- А вас как зовут?
- Меня зовут Вадимом.
- А-а-а... Слышала, слышала.
- А тебя?
- Таня.

Таня. Татьяна.

- Мне нравится имя Таня. Очень.

Шли молча. Мох зыбкий – по нему ступаешь, как по снегу. Сзади вереница следов, но постепенно затягиваются.

- Вы здесь в отпуске?

Усмехнулся – про себя, конечно про себя.

- Ну, можно сказать и так.

- С женой наверно, с детьми...

- Нет, я не женат, – засмутился. Просто момент. – Да и детей вроде нет.

– Хм, вроде нет! – возмутилась. Но возмущаться не могла взаправду. – Вы как будто прям как этот самый...

- Какой?

- Ну, как такой вот... ветреный мужчина. То к одной вас, то к другой, так что ли?

- У-у, да ты умная девушка! Разбираешься в жизни.

- А как же! Да и с чего мне глупой быть?

И действительно, и действительно. Ведь это же не просто в одном сцеплении и с единой динамикой, это сращено, сращено веками, лишь сломать возможно, но после... Века? Даже века не помогут. Сделано на раз и второй попытки не предоставляется. Варианты возможны, один – чуть более, другой – менее чуть, но свой, искомый, чувствуешь сразу. По малодушию, по глупости можно упустить. Дать уйти в разрозненность, можно и сломать – но то после долгих игр. И не выплывет, и не собрать.

- Сколько тебе лет?

- Девятнадцать. Мало?

- В самый раз. Девятнадцатилетние девушки – моя слабость.

Старая, матёрая половина – притёрлась настолько, что малейшие всплески воспринимаются тотчас и в верности абсолютной.

Вышли на опушку. Впереди, за полем, извивалась пыльная дорога, чуть вдалеке, на холме, виднелись избы. Он шурился.

- О, вот и вышли! Интересно – а как ты ориентируешься?

- Да так. Всю жизнь ходишь здесь.

- А я плохо в этом разбираюсь. Сам не знаю, куда бреду. Куда выйду – туда выйду.

Подбородком, лишь самую чуточку. Глаза же вдаль, туманны. Потом повернулась. Шла, смотрела – глаз не отводила. Он тоже не мог.

- Ты где-то учишься?
- Нет, работаю.
- Смотрели друг на друга.
- Здесь, в Сомово?
- Да. И в соседней тоже.
- Неотрывно. Настойчиво.
- Кем?
- Почтальоном.
- Почтальоном?!
- Не нравится?
- Ужасно нравится.
- Долго.
- Ну что, прощаться давайте. Может, увидимся ещё.
- Обязательно увидимся. В одной деревне живём!
- До свидания.
- До свидания, Таня!
- И даже не думалось, что это горечь. Но то она, она.
- И – пыльная дорога, и силуэт. Тогда дождей ещё не было.

Несколько дней назад, у дома справа, что стоял по тому же ряду метрах в тридцати, застрял трактор. Часа два тракторист безуспешно пытался выбраться из жижи, каким-то чудом это ему удалось – уехав, он проклял деревню и всех её жителей. После него на дороге осталась глубочайшая колея, превратившаяся за эти дни в настоящую яму. Подойдя сейчас к ней, Вадим даже и не знал, как обойти её – она занимала всю ширину улицы, от дома до дома. Почти до краёв была наполнена грязной глинистой водой.

– Ты вброд давай, – услышал он откуда-то сбоку чей-то дряблый голосок.

Обернулся. Древняя старуха, выглядывая в окно, скалилась уцелевшими обрубками зубов.

- Не, – покачал он головой, – не пойдет.
- Вброд, вброд давай, – снова заверещала старуха.
- Я по вашему накату переберусь, а? – крикнул ей Вадим. – Ладно?

Старуха молчала, потом поняла, что обращаются к ней, выставила ухо в окно и переспросила:

- Чего?
- По накату вашему переберусь, ладно?! – повысил он голос. – По стене прям, по брёвнам!
- Вброд, вброд, – замахала рукой старуха.

Вадим огляделся.

– А, ну тебя, – буркнул себе под нос и зашагал к стене. Встал ногами на выступ фундамента, уцепился руками за наличники и перебрался на другую сторону лужи.

– Ой, не сломай только, не сломай! – верещала бабушка. – Дом-то старый ведь.

Вадим на неё внимания не обращал.

– Коль! – заорала она ему вслед. – А Коль! Ты не в магазин ли?

Он обернулся

- В магазин.
- купи мне хлебушка. Я тебе и денежку дам.

Пришлось возвращаться назад. Старуха исчезла на какое-то время, потом возникла в проёме окна опять с грязной, помятой бумажкой. Чтобы взять её, Вадим снова взобрался на выступ.

– Сколько? – спросил он.

- А?
- Хлеба покупать сколько? Буханку?
- Две буханочки, две. Мироновой скажи, бабе Саше.
- Ладно, – кивнул Вадим.
- Зашагал, но бабушка снова подала голос.
- Коленька!
- Остановился.
- Ты ведь Коленька? Коленька?
- Да, – кивнул он – Коленька.

Магазин располагался метрах в шестисот от дома – в обычный день дорога до него занимала пять минут. Но дни сейчас стояли необычные, обильно дождливые, потому шёл он туда минут двадцать. Каждый шаг давался с трудом. Жижя обволакивала сапоги, они съезжали с ног и никак не хотели вытаскиваться.

Всю дорогу он вглядывался в здание магазина, пытаюсь определить, не закрыт ли он. Так бывало часто: магазин, которому положено было работать с восьми утра до пяти вечера, работал лишь часа два от силы. Продавщица – здоровенная рыжая баба по имени Валентина – открывала его, когда хотела. Случалось, что не открывала вовсе. Никто её за это не осуждал. Оставшаяся в живых кучка жителей в продуктах питания особо не нуждалась. Рискну предположить, что не нуждалась вовсе, а лишь делала вид. Более того, за те утренние часы, что магазин бывал открыт, жители эти успевали посетить его по несколько раз. Встретившись здесь, старики и старухи бестолковыми разговорами поддерживали в себе иллюзию существования. Иллюзию продолжения жизни. Это и вправду иллюзия. Жизнь давным-давно остановилась, существования нет как такового. Оно было когда-то, наверняка было – поверим на слово тем говорунам, что, горячась, рассказывают нам о славных деяниях прошлого. Вы как хотите, но я им верю – мне нравится их слушать. Они так непосредственны, так заняты – даже если всё то, о чём они вещают, неправда, я не в обиде на них. Они хорошие, они вносят разнообразие в обыденность. Они, а ещё те романтики, что пытаются придать значимость настоящему. Они снабжают нас иллюзиями, а это очень важно. Иллюзии необходимы. Потому что без иллюзий не могу пребывать здесь даже я.

– О-о-о! – приветствовала его широчайшей улыбкой огромного рта продавщица Валя. – Какие люди!

Магазин был всё же открыт. Единственный посетитель – древний старичок в рваной ветровке – покидал его в тот момент, когда порог переступил Вадим.

- Здравствуй, Валентина, – выдохнул он, выжимая из себя улыбку. – Как жизнь молодая?
- Да как-как, – тряхнула она головой. – Неважно.
- Что так?
- Так чему нам радоваться? Жизнь у нас скучная, погода вон – и та муторная.
- А муж что тебя не развлекает?
- О, муж! Я его неделями не вижу. Они как уедут на заготовку – и чуть ли не месяц там.
- Да-а? Так ты, выходит, в некотором роде одинокая женщина.
- Да не в некотором роде, а попросту одинокая.
- Вадим осматривал полки.
- Печально мне это слышать. Надо будет зайти к тебе как-нибудь.

Облокотившись обеими руками о прилавок и опустив на ладони большую свою голову, Валентина взирала на него сейчас снизу вверх. Взирала хитро.

– Да навряд ли ты ко мне заглянешь, – вздохнула она. – Ты ведь больше по молоденьким лазаешь.

Вадим потянулся к карману за деньгами.

– Мне ведь рассказывали, – продолжала Валя. – Вадим-то, говорят, красавец наш, с Танюшей бродит... Почту, что ли разносят вместе, или чего ещё там...

– Три буханки хлеба, – сказал Вадим.

Валентина продолжала коварно на него посматривать.

– Три буханки хлеба мне, – повторил он ей вкрадчиво.

Она приподнялась, взяла с полки хлеб, положила перед ним на прилавок.

– Консервы вот эти, – кивнул Вадим, – банки две давай.

Она подала консервы.

– И крупы гречневой пакет.

Достала гречку.

– Водочки? – спросила.

– Нет. Это всё.

Валентина придвинула к себе счёты, перекинула на них несколько костяшек. Вадим положил на прилавок деньги. Сложил продукты в сумку.

– Не понимаю я, зачем ты сюда приехал, – бормотнула Валя. – В городе жил, работа была. Женщина, наверное. ... Это потому, что она тебя разлюбила, ты приехал?

Вадим собирал с прилавка сдачу. Собрал, засунул в карман.

– А, чё молчишь?

Он зашагал к двери.

– Приходи, не забывай! – примирительно крикнула вдогонку Валентина.

На пороге столкнулся с Иваном, загадочном другом поневоле.

– Вадим, ты! – тянул тот руку.

– А, Ванька... Здорово.

До приезда в Сомово Вадим его не знал. Но здесь сблизились как-то.

– Чё, Валька там?

– Там, – кивнул Вадим.

– Чем сегодня занимаешься?

– Ничем.

– Пойдём, зайдём. Купить надо кое-что.

– Иди, я подожду.

Иван скрылся за дверями, Вадим достал сигарету. Начинался дождь. Отсюда, с порога магазина, вся деревня была видна как на ладони. Он окинул её взглядом.

Я всегда знал Вадима как городского жителя и даже не догадывался, что первые годы его жизни прошли именно здесь, в деревне. Тогда Сомово выглядело куда лучше: деревня была большой и многочисленной. На скамейках перед домами сидела молодёжь, звучали песни. Каждый вечер деревенский клуб набивался под завязку. Пацанва бегала на речку рыбачить. Иногда брали и Вадима, хоть был он тогда совсем еще карапузом. Бабушка очень волновалась, отпуская его с соседским пацаном Павликом. Но обходилось без эксцессов. Бабушка всегда за него волновалась – был Вадим далеко от неё или близко.

– Вадим! – звала она его – Вадимчик! Ты куда подевался?

Он прятался в траве. Трава была густой и высокой. Вадим приседал на корточки, и горизонт медленно исчезал за её стеной. Оставался лишь клочок неба, но он был таким крохотным и скромным, что с каждым порывом ветра так и норовил спрятаться за колыханием травинки. Ни дядьку, ни тётку уже не было видно, лишь звуки свистящих кос доносились до него теперь. Он оглядывался, словно опасаясь неожиданной атаки сзади, но трава защищала его и там. Если сжаться в комочек, то и вовсе казалось, что он укутан ею полностью, она склоняется над ним, переплетается, уплотняется. Теперь её не раздвинешь ладонями – она туга и упруга, она не выпустит больше. Ни один солнечный луч не пробивается сюда – слишком густой покров,

и травы совсем не те сейчас – почему-то коварными и злыми кажутся они. Они нашёптывают что-то, бормотание их тоскливо и пугающе, и мелодии, что издают они, лишь усыпляют, тяжело, но настойчиво.

– Вадим! – звала его бабушка. – Где ты?

Он поднялся в полный рост. Она не видела его, смотрела куда-то в сторону.

– Вади-и-и-им! – кричала.

– Вот он, мам, – кивнула в его сторону тётя Вера.

– Забери его отсюда, а то под косу попадёт. Выбрал тоже место – в траве прятаться.

– А ну-ка, иди сюда, – махала ему рукой бабушка. – Ты что, разве можно в траве сидеть!?

Калекой остаться хочешь?

Выступил и дядька:

– Ты не отпускай его от себя, – повернулся он к бабушке. – Пусть сидит на месте и не встает.

– А ты тоже соображай, – это уже ему. – Люди косят, а ты в траве кубаряешься. Это ведь очень просто – раз, и без ног останешься.

Вадим побрёл к бабушке.

– Сядь вот на пригорочек, посиди, – кивнула она ему – Есть не хочешь?

– Пить хочу.

Она открыла термос, налила в кружку чай.

– Не, чай не хочу, – сморщился Вадим. – Холодного чё-нито.

– Ах ты, – качала бабушка головой, выливая чай обратно в термос. Протянула ему бутылку с водой.

– Только много не пей, они тоже пить захотят.

Он сделал два больших глотка, а потом, подумав, ещё один, маленький. Бабушка уселась рядом, он вернул ей бутылку, она тоже отпила.

– Смотри-ка ты, непоседа какой, – продолжала она его отчитывать, убирая воду в тень. – Ни минуты спокойно не посидит. Мне ведь сейчас тяжело за тобой уследить, я не такая как ты резвая, так что ты давай не балуйся. А то баловство, оно ведь до добра не доведёт.

Вадим молчал, ковыряя прутиком землю.

– Мать приедет, я вот всё ей расскажу. Что ты вёл себя плохо, что не слушался.

– Хорошо я себя веду. Что я сделал-то?

– Что, что – не слушаешься.

Вадим изобразил недовольную гримасу.

День был жарким. Бабушка то и дело вытирала со лба пот и грузно пыхтела. Ещё помахиwała веточкой. Прохлады она приносила немного, но зато отгоняла мух.

Дядя Коля косил сейчас в одних трусах, но всё равно лоснился от пота. Трусы его намокли и норовили забиться между ягодиц – время от времени он одёргивал их. Было что-то неправильное в его фигуре: то ли кривые ноги, то ли слишком большая задница, то ли сутулый позвоночник, а видимо, и то, и другое, и третье. Всё это производило впечатление неуклюжести. Будто помешало что-то ваятелю, лепившему его, и он взял, да бросил это дело. Так и остался дядя Коля недолепленным и удивлял теперь всех своими нечеловеческими движениями. Да и лицо его словно перепахали трактором. Вадим всегда удивлялся, почему тётя Вера вышла замуж за такого некрасивого дядьку. Была она и сама не красавица, но тем не менее наружности вполне сносной, если, правда, не смеялась. Во время смеха лицо её преображалось совершенно: на лбу появлялась вмятина, скулы чересчур явно выступали над щеками, а рот становился таким огромным, что в него можно было забивать мячи. Тётя Вера в выцветшем платье и с косынкой на голове косила рядом с мужем. Косила медленно, то и дело останавливаясь и хватаясь за поясницу. Боли в спине были одним из многочисленных её заболеваний.

– Скучно в деревне, – серьёзно произнёс Вадим, отводя взгляд от тётки.

– Эх, – крикнула бабушка, – скучно ему! Городской ты житель! Я вот всю жизнь в деревне прожила, для меня места лучше нет. Ты оглянись вокруг, посмотри красота какая! Лес какой, птицы поют, солнце светит.

– Фу, подумаешь! Чего тут такого?

– А в городе чего такого? Телевизор смотреть?

– Да хотя бы.

– Ага, чтобы зрение портилось.

– Ничего оно не портится. У тебя нет телевизора, поэтому ты так говоришь.

– Не спорь, не спорь. Ты просто маленький ещё, вот подрастёшь – поймёшь, что к чему.

Это ведь сейчас только в городах люди зажили более-менее. А раньше городов мало было, да и людей там жило немного, в основном все в деревнях. После уже перебираться в города начали. Вот хоть мать твоя – уехала зачем-то в город, а по деревне всё равно скучает.

– Ничего она не скучает. Я же слышал, как она говорила: «Век бы эту деревню не видела».

– Ну, это в сердцах она наверное. А разобраться если – она ведь деревенская, в деревне родилась, в деревне большую часть жизни прожила.

– Она в деревне родилась?

– А где же!? В нашей деревне, в той самой избе, где мы и сейчас живём. Потом вот в город уехала.

– Зачем?

– Учиться поехала. Поступила в техникум, окончила его. Ну а потом с твоим отцом познакомилась.

– А как они познакомились?

– Точно не знаю, где-то в компании вместе были. Как люди знакомятся? Случайно всё больше. Познакомились, встречаться стали. Быстро у них всё там закрутилось. Как-то письмо получаю от твоей матери: так, мол, и так, встречаюсь с одним молодым человеком, скоро поженимся. Ну что, женитесь – я разве против. Привезла его потом нам показать, отца твоего. Смотрю: ну что, парень хороший, симпатичный. Да если бы даже и не симпатичным был, от меня уже тут ничего не зависело. Сами всё решили. Сыграли свадьбу, жить в город уехали. Отец твой – он городской человек конечно, ты в него... Ну, а в скором времени и ты появился.

– А как я появился?

– Ну, как дети появляются. Сначала у мамы в животе живут, потом наружу выбираются. Она с тобой очень мучилась.

– Почему?

– Ты большой родился. Толстый такой, крепкий. Это сейчас исхудал что-то. Вылезать не хотел. Брыкался. Я потом приехала вскоре, раз только на мать твою глянула – а батюшки, еле узнала! До того худющая, до того страшная – сил нет. А ты рядом лежишь – довольный, щёки розовые, пухленький такой. Как назовёшь, спрашиваю. Вадимом – говорит. Почему Вадимом? В честь кого? Ни в кого, так просто. Вадимом. Ну что же, думаю, Вадимом так Вадимом. Имя хорошее. Так вот ты и стал Вадимом.

– Мать твоя – хорошая женщина, – услышал он голос дядьки. – Все её любят. Особенно мужики.

– Тебе что надо? – спросила его бабушка строго.

– Пить захотелось.

– Вот, пей, – протянула она ему бутылку с водой.

Дядька взял и перед тем, как глотнуть, подмигнул Вадиму. Тот опустил глаза в землю. Пока он пил, бабушка поднялась на ноги.

– При нём, – шепнула она дядьке, – разговоров таких не заводите. Ясно?

Он ничего не ответил, передал бабушке бутылку и бросил взгляд на Вадима. Усмехнулся.

Проснувшись, он долго не мог понять, где находится. Была ночь, половинка дымчатого круга света – должно быть, луна – виднелась за окном. То, что было это действительно окно, он определил не сразу, а лишь после долгих взглядываний. Небо застилала облачная пелена, луна казалась расплывчатой и нереальной, но всё же присутствием своим радовала. Очертания предметов проступали из темноты. Кровать, стол, стулья – всё так же, как и в бабушкиной избе, но это была не она.

Откуда-то сверху доносился храп. Ощупав пространство вокруг, Вадим понял, что он лежит на полу. Был он в рубашке и носках, но почему-то без брюк. Что-то скомканное валялось рядом, но были это не они, а смятый в гармошку половик. Тщетно он шарил руками, пытаясь обнаружить матрац и подушку. Зато рядом имелась кровать – в одну из ножек он упирался ногой. С первого раза подняться не удалось. Неведомая сила закружила голову, а ноги не выдержали тяжести тела – он повалился набок. Вторая попытка оказалась успешней – Вадим уцепился за ножку кровати и, перебирая по ней руками, приподнялся. Равновесие удавалось сохранять лишь держась за стену. Храп не прекращался.

Постель была застелена, ему показалось, что кто-то лежит на ней. Вытянув ладонь, он осторожно дотронулся до одеяла. Оно было мягким. Вадим надавил сильнее – одеяло продавилось до самого матраца. Никого.

Сознание постепенно возвращалось, память – не спешила. Глаза привыкали к темноте. Стало ясно, откуда доносился храп – с печи. Кто-то, тяжело и грузно сопя, спал там. Рядом с кроватью стоял стул, на нём валялась одежда – Вадим сделал к ней два нетвёрдых шага. Да, она, его собственная.

– Ну ладно хоть вещи здесь, – буркнул он вслух.

Собственный голос звучал странно. Хриплый, осевший, ржавый. Он негромко прокашлялся, очищая от незримого кома сухую гортань. Гортань не очистилась, зато сухость её стала настолько вдруг явной, что сделалось просто невыносимо. Он облизал непослушным языком внутренности рта и губы, но стало только хуже – иссохшее чрево не увлажнилось, а лишь болезненно засвербело.

Влага всё же выделилась минутой позже, но оказалась густой и тяжёлой. Вадим уселся на стул – получилось это громко и скрипуче. Он замер. Произведённый им шум не остался незамеченным: печной обладатель храпа заворочался, кашлянул пару раз и задышал ещё тяжелее прежнего. Кроме этого донеслись звуки из соседней комнаты. Это был скрип металлической кровати, а ещё чьё-то сонное бормотание. Вадим опустил голову в ладони.

– Чёрт возьми, чёрт возьми, – шептал он, – я же не хотел больше. Я же зарок давал, я же знаю, что от этого хуже. Что же было? Почему ничего не помню, я же помнил раньше.

– Вадим! – донеслось вдруг с печи. – Это ты бормочешь?

– Кто там? – поднял голову Вадим.

– Не узнаёшь? – усмехнулся голос.

– Я где вообще нахожусь?

Голос хрипло хохотнул.

– А ты подумай!

– Я не могу думать, у меня голова раскалывается.

– Голова? Это плохо. У меня вот голова редко раскалывается. Обычно без головы всё проходит. Зато блевать тянет.

– Иван! – сдавленно крикнул Вадим. – Ты что ль это?

Голос засмеялся.

– А кто ещё!

– Что я у тебя делаю?

– Ночуешь, что ты делаешь...

– А почему я у тебя ночую?

– Потому что домой не смог уйти.

– Чёрт, – держался за голову Вадим, – как же мне плохо!

Пелена облаков сгустилась в это время. Расплывчатый свет луны не виднелся больше. Пространство за окнами было черно и уныло.

– У тебя где здесь попить можно? – спросил Вадим.

– У печки ведро стоит с водой. Только аккуратнее, не шуми, а то Надьку с детьми разбудишь. Она вчера и так на нас неласково смотрела.

Вадим поднялся со стула и пошёл к ведру. Шёл, вытянув руки. Каждый шаг давался с трудом. Ведро он нашёл быстро, но рядом не оказалось ничего, чем бы можно было зачерпнуть воду. Он попытался отпить прямо из ведра, но поднять его сил не хватило.

– Иван, кружки никакой нет?

– На столе поищи. Или в шкафчике – створку открой.

Вадим открыл дверцу подвесного шкафа, кончиками пальцев нащупал стакан. Зачерпнул им из ведра и махом выпил. Зачерпнул ещё раз и пил уже медленно, короткими, но яростными глотками.

Той же нетвёрдой походкой он вернулся к кровати.

– Ты зачем меня напоил?

– Хе, – хмыкнул Иван, – напоил его! Тебя и уговаривать не пришлось.

– Этого не может быть. Я не мог так просто напиться.

– Ну, отказывался поначалу. А потом, бутылку раздавили когда, сам к Машке побежал.

– Я к Машке бегал?

– Угу. Два пузыря взял. Один недопили немного. Похмелись, легче станет.

– О, горе мне, горе...

– Похмелись. Легче будет, говорю тебе.

– Не, не буду. Я ссать хочу, как тут пройти?

– Как везде. Иди на двор, там найдешь. На мосту только осторожней, не свались.

Подперев плечом тяжёлую дубовую дверь, Вадим с трудом открыл её и зашагал по тёмным сдавленным пустотам на задний двор. Там было тепло. Свинья, спавшая в своём закутке, проснулась от звука шагов и нервно, но негромко захрюкала, забиваясь в угол. Печальная бурёнка задумчиво жевала клок сена. Вадим закрыл за собой дверцу нужника, прикинул, где должно находится отверстие, и пустил в него струю. Попадание было верным.

Вернувшись в избу, он обнаружил Ивана сидящим за столом. Горела лампа, Иван резал малосольный огурец.

– Жрать что-то захотелось, – объявил он. – Ты будешь?

Вадим подумал.

– Можно немного.

– Садись, похаваем.

Он присел.

– Давай, допьём может? – Иван показывал на остатки самогона в заткнутой газетной пробкой бутылке.

– Нет, я не буду, – замотал головой Вадим.

– Чё так?

– Не буду, не.

– Выпей, легче станет.

– Нет. Пей, если хочешь.

Иван вздохнул.

– Ну, как знаешь. А я выпью, пожалуй.

Он дотянулся до бутылки, налил. Рюмка наполнилась до краёв, но в бутылке ещё плескалось немного.

- Эх, как раз ведь на две рюмки! Давай, Вадь, не стесняйся.
- Не хочу. Оставь себе на утро.
- Ну ладно. Утром, действительно, захочется.

Он заткнул бутылку самодельной пробкой и поставил под стол. Потом опрокинул рюмку и поместил дольку огурца в рот. Вадим тоже потянулся за огурцом.

Иван жевал долго и сосредоточенно. Челюсти его, перемещаясь в однообразных движениях, рождали на щеках переливы желвак. Складки кожи мчались от скул до рта, исчезали здесь и возникали снова – там же, у скул. Лицо у Ивана было небольшое, какое-то кривоватое, очень простое. Бесцветные волосы, узкий лоб, глубоко посаженные глаза, нос с остатками веснушек и маленький неровный рот. Когда-то давно Иван работал в кузнице помощником кузнеца, потом одно время рубил лес, а сейчас трудился электриком в соседнем селе. В данный же момент находится в отпуске. Как у всех не особо жалюемых на работе людей, отпуск приходился у него на осень.

– Надежда не просыпалась? – спросил его Вадим. Спросил просто так, лишь бы что сказать.

- Не, спит. Девки тоже дрыхнут.
- У тебя сколько их?
- Трое.
- У-у даёшь стране угля!
- Старшей пятнадцать вот-вот.
- Мы вчера, наверное, шумели тут.
- Да нет, я бы не сказал.
- Нет?
- Нет, всё нормально было. Пришли, посидели. Ты отрубился потом, я тебя спать уложил.

Чуть позже и сам лёг... Всё цивильно.

- Слушай-ка, а где вещи мои?
- Вон, на стуле.
- Нет, не те. Продукты. Которые в магазине купил.
- А что у тебя было?
- Хлеба было три буханки, консервы.
- Консервы мы ели вчера какие-то, твои наверно. Хлеб тоже ели, правда не знаю чей...

Вот это что за сумка валяется.

Он нагнулся, подбирая что-то с пола.

- Не твоя?
- Моя. Только пустая что-то.
- Нет, чё-то там есть.

Иван передал сумку Вадиму. Тот достал из неё буханку хлеба.

- Буханка и гречка...
- О, и гречка!
- А где ещё две буханки?
- Ну, съели наверно.
- Две буханки съели?
- А что. Мы вчера много ели.

Вадим положил сумку на стул.

– Ладно, хрен с ними.

Иван доставал из банки огурец. Вытащив, полез за другим.

– И чё тебе только в городе не жилось, – сказал он, протягивая один Вадиму.

Тот молчал.

– Я бы вот, – продолжал Иван, – была б возможность, не задумываясь уехал.

– Так езжай.

– Э-э, не всё так просто. Я пытался, не раз даже. Но всегда что-то мешало. Только вроде соберёшься, всё уже, вот-вот уезжать, и вдруг – на тебе! Мужик, которому дом продавал, отказывается в последний момент. В другой раз на заводе меня подвели. На арматурном. Возьмём, возьмём, говорят, – а потом хоба-на: у нас сокращение идёт, своих всех увольняем, нам не до тебя. Так и не получается никак.

– Семья ещё мешает наверно?

– Конечно. Один я бы сорвался, и всё. Вот как ты.

– Не любишь ты, значит, Сомово.

– Ты, я гляжу, большой любитель.

– Мне здесь в общем-то нравится.

– Ну конечно, почтальонши молодые...

– Да что вам всем сдалась она?!

– Так ведь как же... Интересно!

– Мы с ней просто друзья.

Иван широко улыбнулся.

– Друзья... – мотнул он головой.

– Между прочим, она очень интересная девушка. Умная, начитанная.

– Может быть. Хотя по мне... Ну, симпатичная, симпатичная. Только... себе на уме.

В стороне от всех держится.

– Ну и правильно. Не фиг с вами, дураками, дружбу водить.

– С нами-то, дураками, ясно дело не фиг дружбу водить. Только кроме нас, дураков, никто здесь больше не водится.

– Эй, алкаши! – раздался крик из соседней комнаты. – По новой начали?!

– О-о, атас... – сморщился Иван.

– Щас встану, разгоню вас!

– Всё, Надь, всё, – крикнул он жене. – Мы уже ложимся.

Потом шепнул Вадиму:

– Давай потихоньку закругляться...

– Да, да, – покивал Вадим.

Он добрался до кровати и, скрипя пружинами, забрался под одеяло. Иван убрал со стола остатки еды, потушил лампу и полез на печь.

– Спокойной ночи, – сказал он, укладываясь.

– Спокойной ночи, – отозвался Вадим.

– Пусть тебе приснится твоя любимая почтальонша.

Вадим поморщился. А потом подумал:

«Действительно, пусть».

– Я вот тоже одна всегда люблю быть. Залезу куда-нибудь в тёмный угол и сижу там, прислушиваюсь. Мама жива была – постоянно меня ругала. Найдёт где-нибудь за шкафом – сама испугается, меня напугает. «Дурочка, – шепчет, – ты чего сюда забила?!»

Сумерки, тяжесть – опять иллюзия. Надо что-то одно, это метание давит. Теперь известно – для того и делается. Разводы в означенном и тропы, уводят вдаль. По просекам, сквозь чащу – ни лучика, ни блика, деревья черны, но голубая полоска имеется. Сверху. Чудно, как в сказке. Пожелаешь – исполнится.

Сказка только не та, не ты желаешь.

– Так ты с кем живешь сейчас? С дедом?

– Нет, это папа мой.

– Папа? Такой старый!

– Ну да, старенький уже... Просто они поздно с мамой поженились. Ей за тридцать было, а ему уже за сорок.

Тихий ужас, тайна – она порождает фантазии. Контурами, вздохами. Фантазии ужасны, но зато свежие – раньше не являлись. Перемальывается, смешивается, затем выстраивается заново – на мгновение, но мгновение то дорого. Чувства бурлят, инстинкты явны и правдивы – это блаженство.

– Я его не люблю. Я вообще равнодушная. Даже мама когда умерла – я не плакала. Мне бабки говорили: «Поплачь доченька, поплачь...» А они в чёрном все, страшные такие, гадкие. Я их испугалась – заплакала. Они: «Вот, умница, вот, маму как ей жалко». А мне и не жалко её было. Что-то тягостное пришло конечно, неприятное что-то – но это не жалость, я точно знаю.

Потому что всё разделено. И даже не контактирует. Не может, сущности противоположны. Не противоположны даже, нет, противоположность – это в одном целом, когда крайности. А здесь нет, не то. Свои границы, своё восприятие, своя суть. Кажется порой что слито – видимо оберегает. Вглубь нельзя, но желание чрезмерно – лезешь, и знаки не кажутся предупреждением. Ну а потом поздно уже.

– Ты знаешь, Вадим!..

– Что?

– Вот я называю тебя – Вадим – и как-то мне это непривычно.

– Из-за возраста?

– Нет, не из-за возраста. Просто мне это напоминает что-то.

Хочется взять её за руку. Рассматривать пальчики, трогать ногти, прикасаться губами. Ещё не унялось, ещё веет?

– Мне тоже, когда Таня говорю, вспоминается что-то. Точнее – мутнеет. Зыбкость какая-то, абсурдность. Вроде шагнёшь – и сорвёшься.

– Куда?

– Не знаю... В другое что-то.

Дома эти, небо, земля. Сбывается иногда, но ненадолго. Большею частью извне.

– У меня не так.

Почему такие большие глаза? Эти линии – брови, нос, губы – найдут ли отражение, сольются ли?

Придвинулась ближе, почти вплотную.

– У меня – будто всё колыхается. И размывается. Иногда всё вместе – такая пестрота, глаза режет. А потом рассасывается, растягивается – мучительно так, зовёт словно куда. Но мне этого хочется. Страшно, но хочется.

Не шевелится. Оно бурлит, шумит – где-то там, вдали. Настырно, да, его не должно быть. Сделать так, чтобы его не было, исчезло.

– Ты не замёрзла, Тань?

Долго не отвечала.

– Не знай. Может и замёрзла, – поёжилась тут же. – Да, замёрзла, – улыбнулась.

– Ну-ка, накинь вот.

А в пальцах дрожь. Прикоснулся – она, она. Это закон? В любом месте, в любое время... Везде, всегда, но будет? Вот и снова – тягучесть, вот здесь. Мышцы лишь, ткани – известно. Глупо... Но и приятно. Приятность эта и погубит как-нибудь. Ну и что? Всё пустынно, всё застыло, изменится разве? Не сможет, функция не та.

Она – у плеча. Смотрела снизу вверх. Знал – всё, мозаика смешана, канаты натянуты. И головокружение – верный признак. Из одного в другое, с лёгким свистом, с дымкой. Кадры, действительно кадры. С задержкой... Всю разрозненность так: кадр – задержка, другой – задержка...

– Подожди, подожди, не наступай. Держись за меня.

Нагнулся, взял её на руки – она смутилась немного, заалела – донёс до поваленного дерева. Дыхание сбилось. Поморщился – где былая сила?

– Сейчас дожди надолго зарядят, – сказала она.

– Ты откуда знаешь?

– Ну как же, всю жизнь здесь живу. Сентябрь и октябрь – это наш сезон дождей. Как в Африке или Азии, но там я не знаю в какие месяцы.

Странно, а ведь ключик подобран. Ржавый, да, но тут с силой. Воткнуть, провернуть, открыть. Ветры, туманы – добро пожаловать! Снова, снова – гнёт, муки. Чудные видения, но в конце – разочарование. Так бывает, так устроено. Исчезнуть? Быть может, быть может. Говорили – не в силах, говорили – предрешено. Пройти, прочувствовать. Но всегда настороже. Ежесекундно. Не явно если – то в глубинах. Шорохи, вздохи. И она так, она тоже. Связь. Жизненная потребность. Лишь любопытство – так только. Лучше не белое, прозрачное. Без картин. Без теней, без контуров, без цветов. Чтоб отражало – криво, вытянуто. Искажённо. И не разбить... Если бы на линии, синими чернилами – линия вверх. Не сбой, нет. Вспышка просто. Прорывается, состояния не те, не идентичны – бурлит поэтому. Нагнетается, распадается. Бывает, что лопается. Обычно же – глохнет. Успокаивается до следующего раза. Молчать, молчать... Надо штиль. Солнце, ласковые волны. Тепло и безмятежность. Но кружение – сильно. Удар – и дамба рушится. Заливает шлюзы. Руки, над водой руки. Кольхания, дрожь – кочки. Она смотрит, неотрывно. Магия, это магия. Необходимо напряжение, кульминация. Молчать... Безлюдная дорога, лишь они. Дыхание, взгляды – ленты наматываются, веют. К центру, к центру. Не быстро, нехотя – по миллиметру, по крохам. Но неумолимо. Шаг – ниже, другой – ниже. Жара – пот и сухость. Хочет? Она хочет? Вдали – дома.

– Меня в деревне ненормальной считают.

– Почему?

– Ни с кем не общаюсь.

– Ну и правильно.

– Тебя, между прочим, тоже.

– Мне всё равно.

– Папа с одной бабкой говорил – о тебе. Чудной говорят какой-то. А мне это так понравилось – чудной. Хорошее ведь слово: чудной?

– Хорошее.

– Через несколько лет наша деревня исчезнет.

– Почему ты так думаешь?

– Последние старички поумирают – и всё.

– И что ты тогда будешь делать? Кому почту разносить?

– Почту я не только у нас разношу. Ещё в Светлом. Ты бывал в Светлом?

– Проездом.

– Большое село. Там кинотеатр даже есть.

– В Светлое переедешь?

– Если нужда прижмёт. Хотя я на жизнь не жалею – я бы и здесь могла прожить. Да к тому же туда просто так не переедешь – замуж если только.

– И что, есть за кого?

– Нет, что ты! У меня никого никогда не было. Я даже в детстве с мальчишками не гуляла.

– Правильно делала.

– Ну а ты?

– Что я?

– Ты ведь тоже не на всю жизнь сюда заехал?

– Почему нет? Если ничего экстраординарного не произойдёт – всю жизнь буду жить.

– А может произойти?

– Ну, не знаю

Взглянул на нее.

– Мало ли?

Тишина, гладь. Может луна. Звёзды? Нет, лишь изредка. Потому что тучи на небе. Их не видно, но они есть. Упасть – на землю, в траву. Холодна, глуха. Так и надо, так и требуется. И выть, выть, выть... Это восторг. Высшая точка.

До Светлого они добрались меньше, чем за час. Пешком прошли километра три. Накрапывал дождь. Они шли по тропинке в паре метров от дороги.

– Правильно сделали, что двинулись, – говорил Иван. – Мне так и так сходить надо было – может, отпускные пришли, да и насчёт тебя поговорим.

– Он вообще что за человек, Аркадий этот, – спрашивал его Вадим, – возьмёт, нет?

– Честно говоря, муторный мужик. Мудаковатый. Начальники – они все такие. Над ними ответственность, вот им и приходится юлить. Гладким быть, скользким – чтобы не ухватили.

– Ну, а люди хоть требуются к вам?

– Люди всегда требуются. Текучесть большая. Только, как это я себе понимаю, ему не выгодно сразу весь штат набирать. Махинации проворачивать труднее. Он ведь тоже – то там подсуетится, то здесь. Возьмёт – штукатура к себе домой пошлёт, тот ему штукатурит там, а он ему отгул лишний. Или меня взять – не раз проводку чинил у него. У него, да у тещи его, да у брата, да у кого только нет.

– Стой-ка, – Иван схватил Вадима за рукав. – Это что за звук?

– Где?

– Едет как будто кто.

– А, да. Мотор шумит.

– Ну-ка, пошли на дорогу. Подвезёт, может.

Звук работающего двигателя приближался, и вскоре обшарпанный «Зилок», с трудом пробивая себе дорогу в грязи, показался в поле зрения. Иван замахал рукой.

– Наш мужик! – кивнул он Вадиму.

«ЗИЛ» остановился. Иван открыл дверцу.

– Ну смотри, Ванька, – говорил шофёр, – если застрянем, сами толкать будете.

– Не застрянем, – скалился Иван. – Так, нам ведь как-то разъединится надо.

– Да, – кивнул шофёр. – Один в кабинку, другой в кузов.

– Полезай, полезай, – подтолкнул Вадима Иван. – Я в кузов.

В кузове было почти так же грязно, как на дороге. Правда грязь здесь подсохла, валялся и шаткий, но годный для сиденья ящик – Вадим разместился на нём. Ехали они медленно, но грузовик всё равно кидало из стороны в сторону. Было слышно, как матерился шофёр. Иван ему вторил. Вадим смотрел на лес.

В этих краях лес был редкий и большей частью заболоченный. До сих пор родители из близлежащих деревень предупреждали своих детей об этой опасности – болотах. По одному даже взрослые здесь не ходили. Истории о том, как беспощадные трясины засасывали, нерадивых путников рассказывались повсюду. Гибли, как правило, опытные следопыты-сусанины, которые вроде бы каждую кочку знали. Так часто бывает: тонут инструкторы по плаванию, разбиваются водители-профессионалы, а злые разряды тока убивают мастеров-телевизионщиков. Не знаю, как кого, а меня всегда смешило это. Хитросплетения жизни и её крахов непредсказуемы – человека можно обозревать и оценивать лишь после его конца, тогда, когда известны все этапы и деяния. Пока он жив, делать выводы о нём нельзя – они всегда будут ошибочны. Человека настигает его работа, его увлечение – в этом что-то зловещее, но это закладывалось в самом выборе. Возможность манёвра имелась, но он совершил не тот. Погиб, исчез. Всё равно смешно. Жизнь человека, впрочем, не представляет большого интереса. За редкими исклю-

чениями жизни похоже одна на другую. Вот смерти – смерти разнятся. Смерть раскрывает человеческую сущность особенно ярко. Встретить её достойно – вот показатель человеческой природы. Жизнь – тлен, лишь смерть развешивает свои ярлыки, лишь она даёт оценки и делает заключительный вывод. Готовьтесь к смерти, она не забудет ни о ком – не забывайте и вы о ней и будьте её достойны.

– Всё, приехали, – мотнул головой Иван, выбираясь из кабинки. – Ещё пешочком метров триста.

– Спасибо тебе, Вить! – кивнул он шофёру.

– Спасибо, – сказал и Вадим, перемахнув через борт.

– Не за что, – отозвался Виктор. Грузовик тронулся с места и, тяжело виляя бортами, свернул куда-то в проулок.

– Ну, куда теперь? – осматривал местность Вадим.

– Прямо! – отозвался Иван. – Во-он контора виднеется. Был бы он только на месте.

– А что, может не быть?

– Может. Он человек суетливый. То он здесь, то там. Ну, и работа того требует... Ты кстати не передумал?

– Нет.

– Он ко мне неплохо относится, я даже на него влияния определённое имею – не должен отказать. Вот только мест если совсем не будет... Ну, а если не получится – тоже не беда, так ведь?

– Так-то так, но жить на что-то надо. Деньги кончаются, да и времени свободного слишком много. Тут хоть занятие какое-то будет.

– Правильно. Я вот тоже – как ни ругаю свою работу, а всё равно – с людьми вроде, занят чем-то. Смысл появляется. А целыми днями дома сидеть – это же с ума сойдёшь... Ну вот, пришли.

Они поднялись по крыльцу в избёнку. От других деревенских строений её отличали лишь зарешеченные окна и какая-то вывеска у дверей.

– Так, ты присядь, – сказал Иван, – а я сейчас всё разведаяю.

В коридоре конторы, у стены, стояли спаянными три сиденья – точно такие, какие бывают на вокзалах. Вадим сел.

– Здесь он, – кивнул Иван, возвращаясь из-за обитой обветшавшей кожей двери. – Только подождать придётся – у него люди какие-то.

– Ладно.

– Я – в кассу, – показал Иван на другую дверь. – Может, деньги пришли.

– Угу, – буркнул Вадим, закидывая ногу на ногу.

– Пойдём, – появился вскоре в коридоре Иван – Аркаша ждёт нас.

Они прошли в кабинет директора. Директор, худощавый, лысеющий брюнет с бегающими глазками, пригласил их присаживаться. Руки не подавал.

– Так, – начал он, – кто вы такой, чем занимаетесь?

– Вадим, – сказал Вадим. – Серов.

– Профессия у вас какая, образование?

– Образование – среднее. Профессии фактически никакой. Работал в разных местах, но специальности нигде не получил.

– Что, школу закончили и всё?

– В институте учился полтора года. Потом бросил.

– Что за институт?

– Политехнический.

– И никаких курсов, никаких переподготовок?

– Нет, ничего.

Директор опустил глаза на руки. Сложенные на столе, они шевелились.

– Как же я возьму вас без специальности?

– Аркадий Петрович, – подал голос Иван, – да он по любой работе сможет. Он же рабочий человек! Он кем только ни работал!

– Не знай, не знай, – пожал плечами Аркадий Петрович. – Может, где-то там и работал, а у нас специальность нужна.

– Да ё-моё, – развёл руками Иван, – тут девяносто процентов без специальностей.

– Ты тут не ори! – поморщился директор. – И без тебя горлодёров хватает.

Выдержав многозначительную паузу, продолжил, поднимая глаза на Вадима:

– Ну и кем бы вы хотели работать?

– Кем угодно, – ответил Вадим. – Согласен на любую работу.

– На любую работу... – повторил за ним Аркадий Петрович. – Вот мне бы инженера квалифицированного.

– Так он инженер практически! – снова вступился Иван.

– Ну, полтора года в институте – это не то.

– Да он сможет!

– Наверяд ли, наверяд ли. Там сложные расчёты надо делать, контролировать всё от и до. Разве сумеете вы это?

– Нет, не сумею. Я на должность инженера и не рассчитывал. Мне рабочую специальность какую-нибудь.

Аркадий Петрович снова сосредоточился на руках. Играл желваками, поджимал губы, покачивался.

– Да я не прочь бы вас взять, – изрёк наконец, – мне разве жалко. Только мест-то ведь нету вакантных. Всё занято. Сторожем даже – и то не могу устроить.

Иван с Вадимом переглянулись. «Э-э, козёл!» – говорил взглядом Иван.

– Ладно, запишу я ваши данные, – потянулся директор к ручке. – Если появятся варианты – возьму.

Откуда-то из-под стола он достал лист бумаги.

– Как говорите фамилия ваша?

Они вышли на улицу.

– Да-а-а, – потянул Иван, – облом.

– Да я и не рассчитывал особо, – сказал Вадим.

– Не, он всё же чмо. «Специальности у вас нет...» Да тут хоть один бы со специальностью был! Захар вот может только, да Павлик. Ну, у Салавата ещё есть какая то. А так – ни у кого ведь. У меня, и то вон нет.

Стояли на крыльце.

– Ладно хоть отпускные получил, – улыбнулся Иван, – а то без толку бы мотались.

Вадим покивал.

– Ну, что делать будем? – спросил его Иван.

– Обрато пойдём.

– Ты думаешь?

– А что ещё?

Поджав нижнюю губу, Иван смотрел куда-то вдаль.

– Тут бы ещё сходить мне в одно место, – задумчиво произнёс он.

– Сходи.

– Да дело больно деликатное...

– Сходи, я тебя здесь подожду.

Иван перевёл взгляд на него. Что-то обдумывал.

– Да, – сказал наконец, – ты меня подожди, но не здесь.

– А где?

– Вот сейчас пойдёшь по этой улице, и вон у того зелёного дома повернёшь налево.

– Зачем?

– Повернув, пойдёшь прямо. Прямо, прямо, прямо, никуда не сворачивая. Упрёшься в улицу. И вот не ней, двумя-тремя домами правее, находится столовка. Там ты меня и жди. Понял маршрут?

– Понял. А ты скоро?

– Ну, как получится... На вот, возьми деньги, купи там себе что-нибудь пожрать. Пиво, может, будет. За более крепкие не берись пока.

– Я и вообще братья не буду.

– Ну, это посмотрим... Что, диспозиция ясна?

– Угу.

– Ну давай тогда. Мне в другую сторону. Как только смогу – сразу к тебе присоединюсь.

Они разошлись. Дойдя до зелёного дома, Вадим повернул налево, минут пять шёл этой дорогой, до тех пор, пока не уткнулся в пересекавший её ряд домов. Столовой, однако, здесь не оказалось. Он осмотрелся по сторонам, тщательно вглядываясь в каждый дом, но ни один из них столовую не напоминал. Спросить было не у кого – улица словно вымерла. Он решился повернуть направо и пройти по этому ряду, полагая, что возможно Иван ошибся и столовая находится не двумя-тремя домами правее, а десятью-пятнадцатью. Сапоги вязли в жиже и слетали с ног. Вадим жалел теперь, что надел их на простой носок. Нудный мелкий дождь всё не прекращался.

Река небольшая, мелкая. Вода мутная, на поверхности слой листьев. Никакого движения.

– Раньше река была шире, – она сидела на краю, свесив ноги. – И бурная. Я в детстве купалась – течением сносило.

– Сейчас все реки высыхают.

Он стоял сзади, облокотившись о перила. Деревянные, прогнившие – они шатались от прикосновений и каждую секунду норовили рухнуть. Мосток тоже был стар. Две доски отсутствовали, металлический каркас заржавел. Краем своим мост едва достигал воды. Должно быть, раньше он выдавался глубоко в реку, теперь же окружало его грязное месиво водорослей – вся прибрежная полоса заросла ими.

– Там, где я жил раньше – там тоже есть река. Намного шире этой. Настоящая, большая река. Но и она становится всё меньше. Ребёнком я едва мог разглядеть противоположный берег, а сейчас – вот он: кинь палку и она долетит.

– Это потому что в детстве всё кажется больше. На самом деле река осталась такой же. Мне раньше наша деревня тоже казалась огромной. Сходить на другой конец – это всё равно, что съездить куда-то. А теперь ясно, что она совсем крохотная.

Безрассудность по каналам в створ. Сзади не видно лица, не видно глаз. Силуэт застывает, застывает каждый миг и можно вырезать трафареты. Наклеивать в альбомы.

– Значит, эта река тоже была такой всегда.

– Наверное.

Обернулся. Не улыбка, нет.

– Ты чего стоишь? Садись.

Он сделал пару шагов. Она подвинулась.

– О-о, холодно как!

– Это железка холодная. Ты на доску передвинься, чуть назад.

– Тоже холодно.

– С непривычки. Я вот место насидела – мне совсем не холодно.

– Да ты просто тёплая.

Повернулась на мгновение, тут же назад. В профиль и анфас – по-разному. Сбоку – проще, чем прямо.

– Тань!

Снова поворот.

– Вот посмотри на меня сбоку, а потом прямо. Какую разницу видишь?

– Разница большая. Сбоку второго глаза не видно.

– Ну а выражение? Что-то меняется в выражении?

– Не знаю, ничего не замечаю. В профиль лицо чересчур вытянуто. Нос длинный. А выражение такое же.

– Какое?

– Глупое.

– Глупое?

– Ага. Наивное такое. Доверчивое. На что-то обиженное ещё. Ты на кого обижаешься?

– Ни на кого не обижаюсь. Да и не на кого – я ни с кем почти не общаюсь.

– Значит на меня.

– А на тебя за что?

– Ну, мало ли. Есть какие-нибудь причины.

– Ты глупости говоришь. Если я и обижусь на тебя, то в самую последнюю очередь. А пока повода не было.

– Ну, значит будет скоро. Я ведь такая – не могу, чтоб всё нормально шло. В школе я со всеми подругами перессорилась, теперь вот на почте со мной никто не разговаривает.

– Это же здорово! Если б со мной на работе никто не разговаривал, я бы может и не уволился.

– А ты кем работал?

– Оператором котельной.

– Сложно?

– Да нет... Это последняя моя работа была, до неё много сменил.

– Ты у нас – перекасти-поле. Цыганская душа. У тебя среди предков цыган не было?

– Нет вроде.

– Скрывали, наверное, свою национальность.

– Всё может быть. А у тебя в таком случае, что за национальность, если только к одному месту тянет?

– Меня не тянет к нему. Я деревню и не люблю вовсе. Просто кроме неё ничего не видела.

– А хотела бы поехать?

– Приглашаешь?

– Я тебя только до разъезда отвезти смогу. И то на велосипеде.

– Что так скудно?

– А на какие шиши возить тебя?

– Ну вот, а я думала кавалер богатый нашёлся.

– Ну, на книжке есть у меня кое-что. На жизнь хватает пока, но по заграницам ездить – нет, конечно.

– А ты бывал за границей?

– В Венгрии.

– Ух ты!

– В детстве. С родителями.

– Хорошо в Венгрии?

– Я плохо помню.

– Такой маленький был?

– Восемь лет. Ну, озеро Балатон помню, по Будапешту нас возили. Правда сам Будапешт не помню уже.

– А я только в райцентре была. Смешно, да? Это сказать кому – засмеют.

– Что, в деревне путешественники такие?

– Нет, большинство тоже дальше райцентра не выбиралось.

– Никто тебя о такой ерунде спрашивать не будет.

– Взглянут – и не рискнут, да?

– Просто слова позабудут перед такой красавицей.

– Это ты смеёшься так?

– Что ты!

Смотрели. Смотрели. Она не выдержала, отвернулась. Он выражал искренность, он старался. Искренность – всех труднее.

– А вот я не скажу, что ты красавец.

– Не скажешь?

– Нет.

– Никому-никому не скажешь?

– Просто ты совсем не красавец.

– Раньше был.

– Раньше – может быть. А сейчас – годы не те уже.

– Старый?

– Старый, жалкий. На весь свет обиженный. Нет, ты не тот, о ком я мечтала.

– Ты мечтала о ком-то?

– Мечтала – громко сказано. Но некоторые мысли были.

– Например.

– Нет, я никому не рассказываю об этом.

– Ты вообще знала ли, что мужчины существуют? А то всю жизнь среди бабок прожить – много не узнаешь.

– Там и дедки рядом жили.

– Да что от них толку?

– Ну, физиологию узнать можно. По крайней мере приблизительно.

– Вот они тебя и испортили физиологией своей. Надолго вкус отбили.

– Никакого вкуса и не было.

– Одна, странна и холодна...

– Да, да. Прямо обо мне.

В разной, лазы не велики, но, скручиваясь, можно. Пульсация за прозрачностью. Ладонь проваливается и трещин не видно. Шары. Сверху и под – плоскости. Мрамор, искрящийся бликами рисунок постоянно вращается. Маятники отбивают ритмы, ещё слышны посапывания. Звери спят. Камеры просматриваются вдаль, сквозняки полезны и стены излучают тепло. Заботливые пальцы встречают ласково.

– Ну что, докину до другого берега?

– Докинешь, что тут трудного.

Он замахнулся, кинул. Камень упал в камыши на другой стороне.

– Э-э, еле-еле! Даже бульканье слышно. В воду упал куда-то.

– Я специально.

– Ну конечно, конечно...

– Смотри.

Взял другой. Этот улетел далеко.

– Bravo, bravo!

– Я в школе всех лучше гранату метал.

– А ну-ка я.

Она кинула, камень перелетел реку. Упал тоже за камышами.

– Вот, учись. Я гранату не метала, а как ты кидаю.

Ещё по разу давай.

Кинули ещё. Она – дальше.

– Ха, ха, ха, – говорила. – Что, утёрли нос!

– Я поддавался тебе.

– Всё, поддавался он уже.

– К тому же в воду интереснее. Брызги летят, шум какой-то.

Стали кидать в воду.

– Значит, ты меня в мыслях своих не видела?

– Не-а.

Линия, меж двух далей. Голуба, шевелится. Просмотры безмерными видятся, но лишь вблизи. При удалении округлости замыкают дуги. А сбоку – и выпуклость. Одномерные звуки – они виноваты. Когда жжение усиливается, рекомендовано затыкать уши. Из неровностей сложат названия, прикосновения ценны будут и позволяться не всем. За широтами разводы краше и если не слишком темно, можно различать цвета. Притяжение действует три четверти всей отмеренности. Из попавшихся редко кто выживает. Потому позволено лишь отчаянным, другие и не берутся совсем.

– Кто же тогда звал меня?

Столовая всё не появлялась. Пройдя указанный Иваном маршрут и не сделав вроде бы ни одной ошибки, Вадим её так и не обнаружил. На месте, где она ожидалась, стояла обычная жилая изба. Подумав, что может быть местная столовая так и должна выглядеть, он несколько минут безуспешно пытался проникнуть за забор, но собачий лай, доносившийся оттуда, убедил его в том, что это не так. Собака лаяла отчаянно. Он отошел от дома и в нерешительности встал посередине дороги.

Вадима трудно было назвать любителем поесть – к еде он в общем-то был равнодушен, но иногда – иногда! – приступы чревоугодия находили и на него. Особенно если последняя кормёжка была часов пятнадцать назад. Я вот например считаю, что любовь к еде зря отнесена к порокам. Любовь к еде, к азартным играм, к женщинам – ну что это за пороки?! Что в них предосудительного? А тем более еда... Вадим в последнее время питался крайне плохо. От неустроенности в личной жизни и быте. Одно время, правда, ещё при жизни в городе, лет пять назад, он питался очень удовлетворительно. Я ещё думал тогда: быть Вадиму толстому, как и мне. Но ошибался: тенденция та оказалась мимолетным всплеском. Сейчас ничего подобного и в помине не было – сквозь живот его, при некотором усилии, можно было разглядеть горизонт.

Осмотревшись по сторонам, Вадим решил пройти до конца улицы. Конец улицы оказался и концом села – отсюда открывался вид на поля. Убранные большей частью, перепаханные, они уносились вдаль, до самого леса. Одинокий трактор рассекал их черноту. В хвосте его тянулся шлейф картофельного ряда – он был редок, картошки лежало совсем мало, и вылетала из трактора только грязь. В детстве, мальчишками, они бежали, бывало, за таким вот картофелеуборочником с ведрами, подставляя их под картофельную струю. На полведра картошки, набранной таким способом, приходилось полведра земли. Учительница бегала за ними, интеллигентно ругалась и взывала к совести. Они разбежались, но потом снова становились вслед за трактором. Это надоедало в конце концов – приходилось всё время бежать. Начинать собирать картошку руками. Деревенские избы виднелись где-то вдалеке – тёмные, унылые. Своим видом они вызывали одну лишь грусть. «И как только можно здесь жить?!» – думал Вадим.

– Серов! – орала учительница. – Что стоишь?

Нехотя он сел на корточки.

– Размечтался, тоже мне! – негодовала она.

Учительница была совсем молоденькой, совсем глупенькой – лишь второй год работала в школе. Худенькая, в больших кривоватых очках с затемнёнными линзами, она грозно сверкала ими и всеми силами пыталась руководить детьми. Выходило у неё это неважно. Какое-то смешное имя носила она... Сейчас, сейчас... Элеонора Витальевна, точно!

Все старались залезть на грузовик – чтобы принимать вёдра, поплёвывая с борта на землю. Залезали самые авторитетные: круглолицый Сашенька или Тимур, у которого был ножик с откидным лезвием – он всегда носил его с собой. Вадим в авторитетах не значился, потому на машинах сидел не часто. Иногда всё же удавалось. Там было неплохо: намного легче, чем внизу, веселее. И, что самое главное, Света – да, да, та самая Света с бездонными глазами, тонким носиком и чёрными элегантными бровями, которые она уже тогда выщипывала, почему-то чаще других протягивала своё трёхкилограммовое ведёрко именно ему. При передаче случалось, что рука его задевала её нежную ладошку, и Света совсем не торопилась убрать её. Едва уловимо она улыбалась, смотрела на колёса, а потом, когда он возвращал ей пустое ведро, на два долгих и жгучих мгновения вскидывала свои глаза на него. Он всегда смущался, невольно отводил глаза и очень злился потом на себя за это. Ждал следующего раза, чтобы взглянуть потвёрже, понаглее, но снова оказывался бит удивлённо-наивным взором малолетней Клеопатры. Как-то раз он всё же взглянул на неё твёрдо, очень нагло, с ухмылкой – ему удалось, и она смутилась, но потом почему-то – почему же, почему? – он чувствовал в себе горечь и сожаление. Да и Света не так охотно передавала ему потом вёдра – бывало, что они доставались и другим.

– Всё Серов, слезай с машины! – кричала ему Элеонора Витальевна, поправляя сползавшие на нос очки. – Твоё время вышло, другие тоже хотят.

Он покорно слезал и становился на ряд. На тот же, где собирала картошку и Света.

Вёдра на такие мероприятия он брал редко. Одно потерялось как-то, мать вопила – проще было без них. Он вставал тогда с кем-нибудь в пару, конечно же с девочкой – у них у всех были вёдра – и чаще всего девочкой этой становилась Света. Был он, впрочем, не единственным ловцом удачи – Сашенька тоже оказывал ей свои специфические знаки внимания. «Держи бомбу!» – орал он, подкидывая ком земли. Да и Тимур то и дело доставал свой ножик, чтобы метко проткнуть им ни в чём не повинную картофелину. Сашеньке она отвечала лишь «Дурак!» и гордо отворачивалась. Тимурин ножик прельщал её – на рукоятке его было изображено хитрое заграничное слово, от соблазна посмотреть, как храбрый Тимур разделяет очередную картофелину, удержаться было трудно – но, как ни странно, компанию Вадима она предпочитала охотнее.

– И что, в чёрных дырах время действительно не так идёт, как у нас? – спрашивала она его, кидая на дно ведра картошку.

Он бросал следующую и отвечал:

– Учёные говорят, что да, хотя опытным путём это не доказано. Да и вряд ли может быть доказано, ведь при нынешнем состоянии аппаратов, исследующих космос, попасть внутрь чёрной дыры практически невозможно – они просто не долетят до неё. Когда же будут созданы корабли, способные лететь хотя бы со скоростью света – неизвестно. Так что в ближайшие несколько сот лет нам предстоит лишь строить гипотезы насчёт природы чёрных дыр.

– А ты сам как думаешь?

– Я стою на оккультнической точке зрения, – отвечал он после многозначительной паузы.

– Как это?

– Ну, то есть я отрицаю существование времени как такового. Времени нет, есть лишь череда сменяющихся друг друга событий. За днём идёт ночь, за ночью день – и так далее. Люди

рождаются, живут, умирают – но не по причине воздействия на них времени, а просто всё это череда изменений естественного биологического процесса.

– Да, действительно, ведь невозможного вернуться в прошлое, – широко открыв глаза, смотрела на него Света. – Машина времени – это только фантазия.

– Ты правильно мыслишь, – говорил он, выставляя вперед указательный палец, словно пародируя какого-то киногероя.

Света смеялась, а он продолжал :

– Поэтому следует признать теорию относительности Эйнштейна абсурдом. Ведь что доказывает эта теория: не только то, что на космическом корабле, который удалится на серьёзное расстояние от Земли, пройдёт лишь год, тогда как на Земле – десять, нет. Она доказывает – вернее пытается доказать – существование времени как особой формы протекания процессов Вселенной, как некой живой, реальной субстанции, которую можно фиксировать, которую можно подчинить себе. Времени невозможного управлять, потому что его нет.

Во время обеда они бегами кувыряться на стог. Он стоял за посадкой – большой такой, гниющий. Взиравшись на самый верх и прыгали через себя. Ещё в него можно было зарываться – один отчаянный храбрец, имя которого память не сохранила, просидел там полдня, прячась от классной руководительницы, и едва успел потом на автобус. Вместе с пацанами залезали на стог и девчонки – самые храбрые из них. Света была храброй. Когда злобная Элеонора Витальевна уже поднимала свой вой, созывая всех на работу, Вадим чувствовал, что должен задержаться здесь, ведь Света тоже не торопилась вернуться на поле. Школьники нехотя слезали со стога и брели к оставленным кучам картошки.

– Кто там ещё прыгает? – вопрошала Элеонора Витальевна. – Мегреладзе, ты что ли?

– Я здесь! – кричал Тимур.

– А кто там?

Вадим лежал, не шевелясь, рядом лежала Света – глядя друг на друга, они улыбались.

– Кто там наверху? – снова демонстрировала возможности своего голоса Элеонора.

Они молчали.

– Девочки, все что ли спустились? – спрашивала учительница.

– Не знаем... – отвечали те. – Все наверно.

Элеонора бросала пронзительный взгляд на стог, от которого – имей она способность превращать силу своего негодования в огонь – он вспыхнул бы тут же, но уходила всё же. Оглядываясь на ходу – они смотрели на неё сквозь переплетения соломок. Она исчезала наконец за посадкой.

– Да ну, не ври, – дразнила его Света.

– Зачем мне врать?

– Ну, уж не тысячу же раз.

– Не тысячу конечно, но целовался.

– Что-то я тебе не верю, – в сомнении качала головой Светлана. – Как их звали хотя бы?

– Я помню что ли – их сколько было!

– Ну, хоть одно имя.

– Тамара. Пойдет?

– Тамара?! – смеялась Света. – Фу, какое имя дурацкое.

– Нормальное имя. Обыкновенное.

– Ну, покажи, как ты это делал.

– Ммм, – целовал Вадим воздух.

– А ты знаешь, что главное при поцелуе – это правильно ставить язык, – продолжала Света. – Вот скажи мне, как его правильно ставить?

– Стойма.

– Э-э, не знаешь!

– Я знаю, просто не могу же я это на воздухе показывать.

Света молчала какое-то время, внимательно изучая бегунок на молнии своей куртки, потом произносила:

– Давай на мне покажи.

Ему тут же делалось нехорошо. Как-то не очень было всё время, но сейчас просто адски.

– Ради эксперимента просто, – поспешно добавляла она.

Они сдвигали рты.

– Ага, Серов и Чудина! – встречала их радостно Элеонора Витальевна. – Вот кто там лазил. А я-то думаю...

Весь класс взирал на них с не менее радостными улыбками.

– Начудила ты, Чудина. Начудила.

Все дружно ржали. На Свету было больно смотреть – она стояла понуриив голову, красная. Он тоже, должно быть, выглядел не лучше.

– Эквилибристы вы наши! – не унималась Элеонора. – Гимнасты... Интересно, интересно, что у вас там за эквилибристика была?

Новый взрыв смеха сотрясал воздух.

– Сука! – выдавив сквозь зубы, бросил ей в лицо Вадим.

– Что, заблудился?

Мужик шёл сбоку: телогрейка, кепка, сапоги.

– Да вроде того, – отозвался Вадим.

– Кого ищешь?

– Столовую.

– Столовую! – усмехнулся тот. – Ну пойдём со мной, я туда же.

Вадим зашагал рядом.

– Ты не туда завернул, – сказал мужик. – Столовая во-он в том дворе.

– Где-где?

– Вон дом стоит.

– Это столовая?

– Это не столовая, это просто дом. Нежилой. Столовая во дворе.

– Ни фиги себе! Кто это так додумался?

Они подходили к калитке.

– Всегда так было, – ответил мужик, открывая её. – Просто ты не местный, не знаешь.

Пройдя за ворота, они прошагали мимо дома с выбитыми окнами вглубь двора. Кроме окон у дома повреждена была и дверь – распахнутая, покосившаяся, она болталась на одной петле.

– Тут семья одна раньше жила, – кивнул мужик на избу. – По фамилии Трифоновы... Лёха Трифонов, трое детей. – Но он в тюрьму сел недавно. Ножом тут одного пырнул. Не насмерть, нет. Тот жив остался. Из Кузлей парень... Его давно уже надо было.

– А жена что, сама руки наложила?

– Нет, она уехала. Как мужа посадили – детей в охапку и укатила. В Пензу что ли.

– Что так?

– Да-а... умная слишком. Она давно собиралась. Пыкалась-мыкалась, всё ей не так, всё не эдак...

Впереди виднелся серый покосившийся домик. Стоял он в глубине двора, был одноэтажным и с плоской крышей. На двери, чуть приоткрытой, отчего можно было ощущать что-то похожее на запахи еды, значилась вывеска «Столовая». Вывеска была бумажной, к двери крепилась на четырёх кнопках и помещена здесь была, судя по всему, не позднее вчерашнего вечера – слишком чистой и яркой выглядела она.

– Даже дом не продала, – продолжал спутник. – Он вообще-то тут вроде как на продажу стоит, но кто его сейчас купит? Только на слом если. Повывбивали тут всё, растащили, загадили. Проходи, – открыл он дверь и жестом пригласил Вадим внутрь.

– Как же они тут жили? – спрашивал Вадим, переступая порог столовой. – Если все через их двор перебирались.

– Не-е, это сейчас только так начали, – слышался из-за спины голос провожатого. – Раньше с другой стороны заходили. Но сейчас там не пройдёшь, дорогу размыло.

Они вошли внутрь. Помещение оказалось до ужаса крохотным. Справа от входа, у окна, размещались три стола, неизвестно как сюда втиснутые – вряд ли люди, заполнив их все, смогли бы сидеть не вытесняя друг друга. Слева значилось что-то напоминавшее раздачу – в глубине её угадывались плиты с котлами и вроде бы даже кто-то передвигался между ними. Посередине комнаты имелся проход. Был он таким узким, что сидя за столом, можно было без особого труда дотянуться до раздачи. Зимой, в шубе, тут, должно быть, невозможно было и протиснуться.

– Ага, вот они где! – воскликнул спутник Вадима, кивая двум мужичкам, сидевшим за средним столом. – И уже хорошие!

Он поздоровался с ними за руку.

– Не, мы только что сели, – отозвался один из них, протягивая руку и Вадиму.

Вадим поздоровался с ним, а потом и с другим. Мужики были грязные, небритые; на столе, кроме двух непонятных блюд, стояла только что начатая бутылка водки.

– Хозяйка! – крикнул провожатый Вадима.

– Чё! – раздался женский голос, а потом обладательница его, круглолицая полная баба, появилась у раздачи. – Что будете?

– Ты что будешь? – спросил мужик у Вадима.

– Я возьму себе, – ответил Вадим.

– Что у тебя? – повернулся провожатый к женщине.

– Сейчас пюре только, – отозвалась она, поглядывая подозрительно на Вадима. – Будете брать?

– Будем, раз нет ничего, – сказал мужик.

– Вам тоже? – спросила повариха у Вадима.

– Ага, – кивнул он.

Загремев тарелками, женщина принялась накладывать пюре.

– Ты чей сам-то? – спросил у Вадима один из сидевших за столом мужичков.

– Я из Сомова, – ответил он.

– Из Сомова? – переспросил мужик. – А чей сомовский?

– Серов.

– Серов, Серов... Не знаю. Приезжий наверно?

– Приезжий.

Повариха передала тарелки.

– Чай есть ещё, – подала она голос. – Будете?

– Будем, – кивнул провожатый.

– Да, буду, – кивнул и Вадим.

– А здесь чё делаешь? – снова спросил мужик.

– Друга ожидаю, Ивана. Затеева.

– Ваньку? Он в Светлом что ли? – шепелявя и брызгая слюной, спросил его второй.

– Да. Сейчас подойти должен.

– Не, а вообще что здесь делаешь? – снова спрашивал его любопытный мужичок. Был он помоложе второго и глаза у него блестели хитрее.

– Жить приехал, – отозвался Вадим, забирая тарелку со стаканом.

- Встал было в нерешительности, выбирая куда сесть, но провожатый подтолкнул его в бок:
- Давай, давай – к нам.
 - Вадим уселся.
 - Может, и вторую сразу возьмём? – спросил у всех спутник Вадима.
 - Да не, погоди пока, – отозвался шепелявый. Он оказался с Вадимом рядом.
 - Ладно, – махнул рукой тот. – Ещё это не выпьем.
 - Он тоже сел. Как раз напротив Вадима. Сел и представился вдруг.
 - Паша.
 - Вадим, – ответил Вадим.
 - Это Лёня, – показал Паша на сидевшего рядом с ним мужика. – А это – Митяй Митяич, – на шепелявого. – Но ты зови его просто: Телок.
 - Я те дам щас! – отозвался Митяй Митяич. Улыбался однако.
 - Митяй Митяич – большой любитель крупного рогатого скота, – продолжал Паша.
 - Э-э, дурак, – качал головой Митяй.
 - С научной, с научной точки зрения. Он вот, к примеру, корову с конём скрещивать любит. Овцу со свиньёй.
 - Ты его не слушай, – сказал Митяй Вадиму. – Это – дурак местный. Он сейчас такого тебе наплетёт!
 - Не стесняйся, не стесняйся, – подал голос и Лёня. – По секрету, строго между нами, – наклонясь через стол к Вадиму и закрывая рот ладонью, зашептал он, – он и сам не прочь в экспериментах поучаствовать.
 - Придурок! – негодовал Митяй.
 - Все местные коровы – его продукция.
 - Вадим улыбнулся.
 - Его потому и называют Телок, – продолжал во весь голос шептать Лёня. – Он ни одну скотину не пропустит.
 - Ты хочешь, чтобы я ушёл, да?! – разозлился Митяй. – Я уйду, больно тут мне за счастье сидеть с вами.
 - Сиди, сиди! – схватил его за рукав Лёня. Паша тоже произвёл успокаивающее движение.
 - Заколебали вы меня уже! – продолжал негодовать Митяй. – Как идиоты – ей богу.
 - Ладно, ладно, не злись, – хлопал его по руке Паша. – Мы же любя.
 - Любя... – Митяй глядел в окно.
 - Телёночек, не плачь! – гладил другую руку шепелявого Лёня. – А то я тоже заплачу.
 - Дурак ты, Лёнька! – сказал ему Митяй.
 - Вот и замечательно, – отозвался Лёня. – Вот и обменялись комплиментами. Всё, не обижаешься?
 - На дураков не обижаются.
 - Вот и молодец! – продолжал Лёнька. – Действительно, что Телку на дураков обижаться?
 - Митяй ничего не отвечал. Отломив от куска хлеба ломтик, он закинул его в рот, сопровождая ложкой пюре. Лёня и Паша смотрели на него улыбаясь. Вадим тоже улыбался, но на Митяя не глядел.
 - Давай-ка выпьем лучше! – предложил Паша. – А то обиды какие-то. Ты стакан не взял что ли? – приподнял он глаза на Вадима.
 - Не, я не пью.
 - Ну ты оригинал! Давай по пятьдесят грамм.
 - Нет, не буду.
 - Паша усмехнулся, но больше не настаивал. Повернул бутылку к митяевской рюмке.
 - Давай, Мить, подставляй!

- А чё ты не пьёшь? – встрепенулся Митяй. – Выпей!
- Нет, спасибо, – отозвался Вадим. – Сегодня нельзя.
- Ну смотри, как хочешь. А то ведь потом не нальём.
- Вы не обращайтесь на меня внимание. Пейте, не стесняйтесь.
- Вот спасибо, – сказал Паша. – А то что-то с самого утра стеснение нашло какое-то.
- Вадим нехотя ковырялся ложкой в тарелке. Порция пюре подходила, однако, к концу. Поварихи вполголоса разговаривали на кухне. Вадим заметил, что одна из них, та самая, что стояла на раздаче, смотрит на него. От его взгляда она смутилась и спряталась.
- Ванька куда пошёл? – спросил его Лёня.
- Не знай, – отозвался Вадим. – Не сказал. Что-то, говорит, важное. Деликатное, интимное – я не понял.
- Интимное? Бабу, что ль завёл?
- Да какая ему баба! – подал голос Паша. – От него жена сбежит скоро.
- Это она на каждом углу трещит, что сбежит, – сказал Лёня, – а на самом деле – фигушки. Моя вон тоже – уйду от тебя, но не уходит ведь.
- погоди, допрыгаешься, – вклинился в разговор Митяй.
- А чё это допрыгаюсь?! Я чё – с каждой валяюсь тут что ли?
- Я не в том смысле. А в смысле договоришься.
- Хе, договорюсь! Я просто глупости её тебе пересказываю. Это же глупости, натуральные глупости.
- Глупости, само собой. Только вот моя что-то мне такого не говорит.
- Ну так ты у нас – гигант секса!
- Ну вот, шишел вышел – другой кон пошёл!
- А чё ты стесняешься? Ты гордись этим. Каждая тёлка к тебе ластится.
- Митяй лишь отмахнулся.
- А ты женат? – спросил Паша Вадима.
- Нет, – покачал головой тот.
- Что так?
- Да вот, не встретил ещё.
- Не встретил... Ну и не встретишь.
- Да почему не встретит? – возразил Лёнька. – Тут девок полно.
- Так уж и полно? – не сдавался Паша.
- Ну, Ленку хотя бы возьми.
- Котлярову?
- Да.
- Ну ладно, Ленка – куда ни шло. Ну а больше-то кто ещё?
- Нинка.
- Нинка!? Да ну, брось! Тоже мне, нашёл кого упомянуть.
- А чё такого? Ты видел титьки у ней какие?
- Ну, разве что титьки. А морда?
- Да что тебе морда?! Газеткой накроешь – и всё.
- Делать мне больше нечего. У меня своя вон покоя не дает.
- Или знаешь что? – обратился Лёнька к Вадиму. – Вот этих двух бери, – кивнул он на раздачу, где никого не было. – Аи-атличные девки, сексуальные такие. А, Аля?
- Круглолицая повариха показала на секунду, но тут же скрылась.
- Видал? – продолжал Лёнька. – Сама скромность. Почти никем не тронутая.
- Почти, – хохотнул Паша.
- Эй, вы! – раздался голос откуда-то из глубины кухни. – Ну-ка прекратите ерунду пороть.

– Камилла, а ты чё не покажешься? – крикнул Лёнька – Тобой тут интересуются.

Вторая повариха, прятаясь всё это время, вышла на люди. Была она, в отличие от первой, худа и белокура. Какие-то проблески симпатичности проглядывали в чертах её лица, но были то лишь проблески – совсем слабые и малозаметные.

– Кто тут мной интересуется? – вытирая руки о фартук, спросила она вызывающе.

– Вот, – показал Лёня на Вадима. – Из города человек приехал, специально за тобой.

– Да что ты говоришь! – всё никак не могла вытереть руки повариха.

– Представляешь, – наклонился к Вадиму Паша, – её на самом деле Камиллой зовут.

Смешно, да – повариха Камилла?

– Если посмеяться хочешь – в другое место иди, – изобразила Камилла гримасу.

– Только мало кто это имя выговаривает, – сказал Лёнька. – Поэтому склоняют как хотят.

Камилл, вспомни-ка, как тебя дядя Игнат звал?

– Камилла смутилась.

– Никак, – огрызнулась. – Придурков расплодили тут всяких.

Мужики, исключая Вадима, засмеялись.

– Камиллочка, ты посидишь с нами? – спросил её ласково Паша. – Мы тебя с парнем хорошим познакомим. Он холостой и ты ему очень нравишься. Да ведь? – кивнул он Вадиму.

Вадим отвёл глаза в сторону.

– Его Вадимом зовут, – продолжал Паша.

– Очень приятно, – выдавила из себя Камилла.

– Смотри, симпатичный какой! – не унимался Паша.

– Вот и женись на нём! – выдала Камилла, скрываясь за плитой.

Все загоготали, Вадим тоже улыбнулся.

– Видал! – кивнул ему Паша. – Классная девка, да! Ты присмотришься к ней, она одинокая.

– Ну давай, давай, рассказывай, – донёсся голос Камиллы.

Все снова заржали.

– Гордая вот только, – продолжал Паша. – Вроде бы и хочется, да не может. Принципы там всякие, суеверия... А так – ничё, у ней всё на месте.

Гневного отклика Камиллы не последовало, раздался лишь приглушённый шепоток, а потом и сдавленный смех девушек.

– Но самая конкретная девка в нашей местности, – заговорил вдруг Митяй, – это почтальонша.

– Почтальонша? – переспросил Лёнька. – Какая?

– Танька.

– Танька?

– А, да, да, да, – закивал Паша. – Танька – это, блин, ё-моё!

– Она ведь ваша, Сомовская, – повернулся к Вадиму Митяй.

– Точно, – кивал Паша. – Тебе все карты в руки.

– Да-а, – вставил и Лёнька. – Танюша – это да. Только она молодая ведь. Девочка ещё.

– Ну, а что тебе надо? Девочка – это самый шик. Ты встречал её? – спросил Паша у Вадима.

– Видел пару раз, – отозвался тот.

– Ну и что скажешь?

– Ну, ничё... Красивая девушка.

– Вот, давай к ней подкатывай!

Вадим усмехнулся.

– Это же так просто не делается.

– Ну а ты не просто делай. Хитро.

– Да, – сказал Лёнька. – Подойди к ней и начни: вот так мол и так, давай встретимся где-нибудь.

– На свиноферме! – хохотнул Митяй.

– Ну, там по ушам пройдишь, – не обращая на него внимания, продолжал Лёня. – Что-нибудь красивое загни. Поэзию там какую-нибудь. И всё – она твоя.

– Ты думаешь?

– Я тебе точно говорю.

– Ну что ж, – сказал Вадим, – воспользуюсь твоим советом.

– Воспользуйся, воспользуйся. И не тяни, а то тут найдутся желающие. Телок вон хотя бы, – кивнул Лёня на Митяя.

– Ну Лень, ё-моё, – развёл Митяй руками. – Сколько можно?

– Прости, прости, – положил Лёнька свою руку на его ладонь. – Прости, брат, сорвалось. Митяй обиженно дышал носом.

– Но и ты меня Гвоздём тоже не дразни, – продолжал, улыбаясь, Лёня. – Мне это обидно.

– Ладно, Гвоздь, не буду, – отозвался Митяй. Кивнул на бутылку. – Давай, разливай!

– Ну чё, Вадим, пятьдесят грамм?

– Нет, нельзя мне.

– Не будешь, значит? – Паша недоумевал.

– Не буду. Нельзя сегодня.

– Ну как хочешь.

Горлышко бутылки застучало о край трёх мутных стаканов.

«Что же Ивана нет?» – подумал со злостью Вадим.

Здесь всё поблизости и её дом тоже рядом. Десять минут, если очень медленно. А быстрее, то можно и за пять. В вязкость, до основания – и грести, грести. Осознать неторопливость дано не всем, суета, тревога вызревает из отвергнутой прежде ничтожности – суета коварна и подталкивает в спину. Оставшееся не зачеркнуть, сквозь пальцы веет и сор выметается, но смыслы сдвигаешь. Хотелось ещё, но повторных попыток нет. Лишь одна.

По деревне ещё гуляют порой. Ходят мало, грязно – больше сидят. Не каждый вечер, но бывает.

– Эй, Вадим! – кричали. – Ты что ли?

Он не откликнулся, шёл. Надо было задами, думал.

– Мы тебя узнали, не прячься.

Человека четыре, пять может. Местная молодёжь – всем за сорок. Он не откликнулся.

Подойдя к дому, долго не решался. Свет горел, в её комнате горел – он знал, она в этой. Свет лампы. Отец – в соседней.

Стоял, раздумывал. Странное состояние – ни так, ни этак. Свет горел, но движений не было. Читала, может, или просто лежала. Отец спит наверное, по крайней мере должен.

Сделал шаг. Встал на цыпочки, но не видно. Свет горел, тусклый. Он постучал, негромко. Подождал, постучал ещё.

Она подошла, напугана словно, поначалу не разглядела. Открыла окно.

– Вадим!?

– Я.

– Фу, как ты напугал!

– Часто ночами стучатся?

– Вообще не стучатся.

Волосы не прибраны, глаза усталые, шурится. И такая хороша, и такая зудит. Зуд, точно – зуд.

– Выходи.

- Что ты, ночь же!
- Ещё не поздно.
- А сколько?
- Десять может.
- Десять – поздно.
- Не выйдешь?

Смотрела, думала.

- Папа услышит.
- Он где?
- В соседней.
- Спит наверно.
- Вот, разбужу.
- Так ты в окно.
- В окно?

Откинула волосы.

- У тебя намерения хорошие?
- Нет.
- Вот видишь, как же я могу?
- Они лишь чуть-чуть недобрые.
- Лишь чуть-чуть?
- Да, ты справишься.
- Холодно ведь.
- Накинь что-нибудь.

Он закурил. Но она быстро – лишь пару затяжек успел.

- Лови меня.
- Ловлю.
- Уронишь – не прощу.
- Не уроню.

Она высунулась в окно, света не было больше. Он подхватил. Она обвила шею, прижалась к щеке, губы – у самого уха. Сдерживала смех.

Поставил на землю.

- Ну вот, в самую грязь.
- Здесь везде грязь.
- Не, ты специально.
- Конечно.
- Чтобы измарать меня всю.
- Само собой.
- Далеко не пойдём.
- Ладно.
- Держи, держи меня.
- Держу.
- Чуть не упала.
- Я держу.

Они зашли за дом, забора не было у них. Валялось несколько брёвен. Сели.

- Мокрые.
- У меня газета есть.
- Специально взял?
- Угу.

Было тихо. Безветренно. Когда нет ветра, не так холодно.

- Только папа не услышал бы.
- А что он сделает?
- Сделать – ничего не сделает. Но брюзжать будет.
- Ты с ним жёстче. Не маленькая ведь.
- И так жёстко – он плачет аж.
- Сентиментальный.
- Да нет, безвольный просто... Там кто ходит что ли?
- У Серафимы сидят.
- Кто?
- Егор, Сергей, сама. Ещё кто-то.
- Она сестра тебе?
- Троюродная. Я только здесь узнал.
- Что сестра?
- Да. Её и не помнил.
- А она?
- Помнила вроде. Хотя что за родня – троюродная!

Он обнял её. За плечи, потом соскользнул ниже – к талии. Она не отреагировала, смотрела вперёд, так и надо словно. Он придвинулся плотнее, обнял крепче. Другую руку положил на коленку. Она взяла её в ладошки. Сжала.

- А вот мы с тобой – не родственники.
- Ну и замечательно.
- Почему?
- Не сидели бы так.
- Да нет, сидели бы.
- Вообще-то да. Что тут такого?
- Вот именно.
- Но всё равно – сдерживаться надо.

Она перевела на него взгляд.

- А сейчас не надо?

Он потянулся к ней губами.

- Мне бы не хотелось.

Губы уткнулись в губы, она не разжимала. Не моргала, глаза – вот они, большие. Страшно даже.

- А тебе?
 - Мне – надо.
- Но впустила. Укусила нижнюю.
- Почему?
 - Надо.
 - Но почему?
 - Просто надо.

Слова нетвёрдые, они уже позволили языкам. У неё – горячий, маленький, вёрткий. Он облизывал.

- Отстранились.
 - Я раньше не целовалась.
 - Я тоже.
 - Не ври, – засмеялась.
 - Ладно, не буду. Но у тебя получается.
- Облизнулись ещё.
- Получается. Ошалеть можно.

– Ты так всем говоришь?

Сблизились снова. Она позволила дольше, но не слишком.

– У тебя прирождённый талант.

– Какой ты циник!

– Ого, вот так слово! Где услышала?

– В книжке прочла.

– Что за книжка?

– «Не доверяйте мужчинам».

– Есть такая?

– А как же.

– Сожги.

– Нет, оставлю.

Сближали кончики языков. Она быстро – он не успевал поймать зубами.

– А вдруг папа сейчас выйдет?

– Он ничего не увидит.

– Присмотрится.

– Да что ты его боишься?

– Я не боюсь. Просто неловко.

Ручки маленькие, тёплые. Его ладонь внутри, она сжимала, гладила. Перебирала пальцами.

– Ты ему так прямо и скажи: «Всё, старый хрыч, твоё время вышло!»

– Ладно, так и сделаю.

– А то он так тебя и будет третировать.

– Он не третировает. Он даже не разговаривает со мной почти. Мы как чужие.

– Может быть, это неплохо.

Сблизились опять. Он гладил спину, а другую руку освободил – она разжала ладони. Он дотронулся до груди.

– Не надо.

Убрал руку.

Сидели час может.

– Я пойду, – встала она.

– Уже?

– Поздно просто.

Он тоже встал.

– Забери газеты.

– Да ну их!

– Забери. Папа увидит завтра – поймёт все.

Он забрал.

Двинулись обратно. Шагов тридцать всего. Встали у окна.

– Подсади меня.

Она задержалась. Поцеловались ещё.

Он приподнял её, она залезла в окно.

– Пока, – махнула на прощание.

– Пока, – отозвался он.

Холодно было.

Просыпался он долго и тяжело. Сон был липкий, мерзкий – из одной сцены он перетекал в другую и был настолько силен, что никак не отпускал из своих глубин. Вадим вроде бы уже открывал глаза, вроде бы уже поднимал голову, но новая волна сонливости тут же накрывала

снова. Сон был противен. Когда он внезапно оборвался, первые воспоминания о нём были настолько гадки, что его затошнило. Первые воспоминания сменились вторыми, те – третьими, уже тихими и безвредными, но тошнота не проходила. Он попытался приподняться. Головокружение и всё та же неразлучная сухость во рту. Конечно же, болела голова.

Он лежал на продавленной кровати в крохотной комнате. Единственное окно занавешено. Рядом с кроватью стул – одежда его комом валялась на нём. На матрасе отсутствовала простыня, на подушке – наволочки, а накрыт он был рваным байковым одеялом. Без пододеяльника. Стены и потолок комнаты выкрашены в густо синий цвет, отчего сейчас, при задёрнутой шторе здесь было мрачно и неудобно.

Со второй попытки Вадим поднялся. Ноги держали плохо, головокружение тут же усилилось, а тошнота стала просто невероятной. Его передёрнуло, и сгусток не то желчи, не то рвотной массы стремительно проник в ротовую полость. Вадим проглотил его.

Одевшись, он открыл дверь и вышел в длинный, мрачный коридор. Здесь было совсем темно, лишь в конце его, из распахнутой справа двери, пробивался робкий свет. Комната эта, видимо, служила залом – заглянув в неё, Вадим увидел телевизор, стенку и довольно яркой расцветки ковёр, висевший на стене. Людей нет.

В коридоре имелась ещё пара дверей, он открывал их после предупредительного стука, но хозяева за ними не обнаружили. Коридор вывел его к лестнице, на площадке перед ней валялась обувь. Присмотревшись, Вадим угадал в одной из пар свои сапоги. Одевая их, он заметил вдруг небольшую комнатку сбоку – по всей видимости, это была кухня. За столом, подперев голову рукой, сидела женщина. Волосы её были распущены, спадали по плечам космами, на ней застиранный халат и стоптанные тапки. Вадим в нерешительности встал в проходе.

– Здравствуйте, – решил он наконец заговорить.

Женщина медленно и тяжело перевела на него взгляд и, не издав ни звука, вернула голову в исходное положение.

– Вы меня извините, – сказал Вадим, – мы наверное вчера сильно тут дали, вам немало неприятностей доставили...

Женщина молчала и головы не поворачивала.

– А Паша ушёл, да? – спросил Вадим. – Это ведь Паши дом? Или Лёни?

Женщина молчала. Молчала и не шевелилась. Лишь нога её, совершая короткие лихорадочные вздрагивания, раскачивала на носке тапок.

– Извините ещё раз, – сказал Вадим. – Я пожалуй пойду.

Одев окончательно сапоги, он спустился по лестнице к двери.

– Куртка! – раздался женский голос.

Вадим поднялся обратно.

– Что? – заглянул он в дверной проём.

– Куртка твоя, – скосив глаза, произнесла женщина. – Там висит.

Вадим заметил её наконец – куртка висела на некоем подобии вешалки прямо у лестницы. На боку обнаружился порез – из него выбивалась подкладка.

– Спасибо вам за гостеприимство, – сказал он женщине. – До свидания.

Та не отозвалась.

Дом, из которого вышел Вадим, сказался двухэтажным, что его озадачило. По углу спускалась с крыши водосточная труба, сама крыша была крыта железом, в основании значился хороший кирпичный фундамент. В Светлом таких домов не было.

Выйдя за забор, он удивился ещё больше. Дороги здесь оказались заасфальтированными, по ним вовсю разъезжали автомобили. Проехал рейсовый автобус. Кроме двухэтажных домов, виднелась и пара пятиэтажек. Это напоминало какой-то городишко – маленький, захолустный. Городишко, в котором он никогда не был.

– Извините, пожалуйста, – спросил он у проходившей мимо женщины, – это что за город?

Та посмотрела на него подозрительно, но ответила:

– Это не город, это Кузли.

– Что-что?

– Куз-ли, – по слогам продиктовала она. – Рабочий посёлок Кузли.

Про посёлок такой он слышал. Тот находился километрах в пятнадцати от Светлого. В Кузлях, как я знал, жила пару лет его мать. Желание уехать из деревни буквально бурлило в ней – в девятнадцать лет она сорвалась сюда. В те времена здесь работал кожевенный завод – на него она и устроилась. Ей дали койку в общежитии, она начала работать, но вскоре полностью разочаровалась в этих Кузлях. Кроме асфальтированных дорог, рабочий посёлок мало чем отличался от деревни. Люди здесь были точно такие, как в Сомово – неотёсанные, тупые, безбожно окающие. Аня не находила здесь душевного успокоения. Возвращаться в Сомово тоже не хотелось, поэтому брак с долговязым парнем Славкой – они познакомились во время поездки в Минск – оказался как нельзя кстати. Трудно сказать, любила ли она его по-настоящему. Смею предположить, что любила. Может и не той огромной любовью, которой пичкает нас сердобольный кинематограф, но по-своему любила. Он был, в общем-то, неплохим человеком, почти не пил, почти не ругался матом, к ней относился с уважением. К тому же он был городским и был отцом её ребенка – лишь за это заслуживал к себе хотя бы скромной, но любви. И Кузли без сожаления были оставлены ею. Правильное решение – Вадим поддержал бы его. Ему эти Кузли очень и очень сейчас не нравились.

Хотелось курить. Он похлопал себя по карманам, сигареты не находились. Обнаружился лишь скомканный носовой платок и сплюснутый коробок спичек. Денег – ни копейки. Он долго вспоминал, как и где их потратил, но память пребывала в состоянии полнейшего и безоговорочного равнодушия.

– Эй, парень! – позвал он пацана, ремонтировавшего на обочине дороги мотоцикл. – Где у вас вокзал находится?

– Вокзал? – переспросил пацан, удивляясь почему-то такому вопросу.

– Ну да, вокзал, – кивнул Вадим. – Откуда у вас тут автобусы отходят?

– В смысле – междугородные?

– Да, да.

Парень приподнялся с коленок. Засаленная тряпка, на которой он сидел, прилипла к брюкам и висела на штанине.

– Минут десять тут идти. Вот этой дорогой всё время прямо. Прямо, прямо, никуда не сворачивая. Как раз выйдите.

– Ага, ладно, – покивал Вадим. – Ты не куришь?

– «Прима» только, – потянулся пацан к карману джинсовки.

– Пойдёт.

Минут через десять пути билетный вагончик, гордо именовавшийся вокзалом, действительно предстал перед взором. Вокзалом это месиво грязи назвать было трудно. Грязь оказалась здесь особенная – чрезвычайно липучая и весьма оригинального цвета, рыжая с разводами. Такая образуется только в тех местах, где её постоянно месят колёса автобусов – она пропитывается бензином и маслом.

Вадим толкнул дверь вагончика. За зарешеченным окном кассы виднелась безобразная женщина.

– Сегодня до Сомова автобусов нет? – спросил он, вспоминая, что не имеет ни копейки денег.

– До Сомова? Нет, что вы! До Сомова только в понедельник и четверг.

– А сегодня что?

– Сегодня – среда, – изобразила женщина гримасу, давая понять, что ей ясно с каким барбосом она имеет дело.

– Так, ладно... А в Светлое когда автобус?

– В Светлое был уже. В семь тридцать.

– А...

– А в два не будет.

– Почему?

– Сломался.

– Сломался!?

– Из райцентра позвонили – сломался.

– Здрасьте – пожалуйста, а как я доберусь до дома?

– Ну, мужчина, вы о чём раньше думали? – занервничала кассирша. – Расписание всем известно – висит вон, приходили бы, да узнавали.

– Э-э, расписание... Если б я знал, что здесь окажусь.

Он направился к выходу.

– Ну, в конце концов – пешком идите, – крикнула ему вслед женщина, – если сегодня вернуться надо. Часа за три дойдёте.

Вадим задержался в дверях.

– Пешком?

– Да, пешком.

– Ну, ладно, – толкнул он ногой дверь. – Посмотрим.

Тут же подался назад.

– А по какой дороге идти?

– Вот тут влево отходит, – привстала женщина. – По ней. Прямо в Светлое.

Самочувствие неважное. Остатки хмеля улетучивались из организма медленно, рождая ломоту в суставах и головную боль. Боль, как ни странно, усиливалась. Вадим почувствовал вдруг, что невероятно хочет есть. Едва он произвел в мозгу эту мысль, как в то же мгновение желудок издал страшнейшее и громогласнейшее урчание. Но ещё больше чем есть, захотелось опорожниться. То ли ощутив дорогу к дому, то ли просто проснувшись, кишечник забурлил. Забурлил неистово, зло – а лес, заветный лес, значился впереди метрах в пятистах. Вадим убыстрил шаг.

Мы с Вадимом во многом близки – он тоже склонен к печали. Но он покрепче меня – с хандрой справляется ловчее. Он – крепкий мужик. Не то, что я. Я хлюпик и расстраиваюсь по каждому поводу.

Дорога пуста. Ни одна машина не проехала по ней за всё это время. Почти полностью опавший лес был сейчас угрюм и жалок. Прошло не меньше часа, прежде чем Вадим услышал за спиной звук мотоцикла. Поравнявшись с ним, тот остановился. На нём двое.

– Вадим! – привстал сидевший сзади. – Вот ты где!

Вадим людей не узнавал.

– А мы тебя всё утро ищем. К Рахиму зашли – нет тебя, ушёл. Куда ушёл? А хрен его знает. Блин, хорошо, что нашли!

– Автобуса до Светлого нет сегодня, – сказал Вадим. – Вот, пешком иду.

– Я же говорил тебе! – подал голос второй, сидевший за рулём. – Пешком пойдёт! Ещё поймаем. Вот, поймали...

– Ну ты ж у нас... – развёл руками пассажир, – всему голова! Здорово! – протянул он руку Вадиму.

– Привет, – подал свою Вадим. – Курить есть?

– Курить? – переспросил мужик. – Есть курить! Бери пожалуйста.

Он протянул Вадиму пачку. Тот взял сигарету и полез в карман за сплюснутым коробком, но мужик опередил его – поднёс зажигалку. Вадим затаился.

– Айда, Рахим, покурим, – кивнул мужик мотоциклисту. – Торопиться некуда.

– А чё, можно, – отозвался тот, слезая с мотоцикла.

Были эти люди ужасно друг на друга похожи. Черноволосые, с приплюснутыми носами, с какой-то раскосиной в глазах – возможно, они приходились друг другу братьями. У обоих на головах красовались одинаковые кепки из чёрной кожи, на ногах одинаковые сапоги из чёрной резины, и лишь куртки, хоть и чёрные, отличались – у Рахима болоньевая, у его пассажира – кожаная.

– Жена что утром сказала? – спросил Рахим.

– Ничего не сказала.

– Вообще ничего?

– Вообще.

– Как самочувствие у тебя? – спросил пассажир.

– Да так себе. Жить можно.

– Ты меня-то помнишь? – улыбнулся тот.

– А как же! – отозвался Вадим, хотя ничего не помнил. – Ты Салават.

– Смотри-ка ты, а я думал не вспомнишь, – снова улыбнулся мужик. – Ты ведь как труп был – мы вдвоём тебя еле до дома донесли.

Ни фиги себе, подумал Вадим затаиваясь, на самом деле Салават!

– Так фигли, – отозвался он, – столько выпить!

– А много на грудь приняли? – спросил Рахим.

– Ну, по литру как минимум, – ответил Вадим. – А может и больше.

– Сильно.

– Из Светлого вчера тоже на мотоцикле ехали? – кивнул Вадим на «ИЖ».

– Не, на грузовике, – отозвался Салават. – Свалили тебя в кузов и поехали. Ты там заблевал всё... Но потом очухался немного – в Кузлях поначалу сам ходил. Правда вот так.

Ладонью он изобразил как ходил Вадим – зигзагообразно. Все посмеялись.

– Ничего у меня не забыл? – спросил Рахим.

– Да вроде нет.

– Одежду, документы, деньги?

– Одежда вся на мне. Документы в кармане должны быть, – он расстегнул молнию на куртке и заглянул в карман. Паспорт и трудовая книжка здесь. – Да, есть. А деньги... Деньги потратил наверное.

– Да, точно, – сказал Салават. – На твои ведь в Кузлях брали.

– Ну вот, – добавил Вадим, – значит всё при мне.

– Это хорошо, – кивнул Рахим. – А то, бывает, забудешь что-нибудь важное.

– Я забыл раз, – сказал Салават. – Паспорт.

Сплюнув, он интригующе помолчал. Потом продолжил:

– В Киеве, у сестры был. Самолётом возвращался. Ну, перед посадкой, как положено, приняли. А муж ведь её провожал меня. Муж и брат мужа. Вот троём мы и нахерачились.

Вадим с Рахимом слушали его заинтересованно.

– И чёрт его знает, – говорил Салават, – как так получилось – короче, каким-то образом мой паспорт оказался у них. То ли у мужа, то ли у брата его... Но в самолёт я сел. Сел, потому что прилетел. То ли это уже после регистрации я им его отдал – не помню. Прилетаю еле живой, сажусь на автобус, доезжаю до Подова. Там пересадка до Светлого, жду автобуса. Вдруг два мента ко мне – разрешите ваши документы. Пожалуйста, говорю, и по карманам – хоп, хоп. А документов – тью-тью. Сам тоже – пьяный ещё, не соображаю ничего, возмущаться стал, орать. Они раз меня – и в кутузку. И, короче, в общей сложности четыре с половиной дня держали.

– Ни фиги себе! – воскликнул Рахим.

– Документов нет, кто такой – неизвестно. Ладно до жены дозвонился, она приехала в Подово – так, мол, и так, муж мой. А где паспорт его, спрашивают. Она меня: где твой паспорт? Забыл, говорю, в Киеве. Она телеграмму в Киев: высылайте срочно паспорт! А те архаровцы после меня, видать, ещё круче забухали. Не шлют. Ну, меня отпустили в конце концов на пятый день. Я уж там заявление о потере паспорта написал, штраф заплатил – вдруг, недели три спустя... или нет, не три, месяц прошёл как минимум – приходит паспорт из Киева. А в паспортном столе мне уже другой ведь делают! Ладно ходил, сказал, а то два паспорта бы у меня было.

– А что, здорово же! – сказал Рахим.

– Здорово-то здорово, только за это ведь, узнают если, по головке не погладят.

– Ну да, правильно, – согласился Рахим. – А жаль. Два паспорта иметь – это классно! Паспорт везде же нужен. И туда, и сюда – у меня сколько раз было, когда сразу в два, а то и в три места паспорт требовался.

– У меня тоже, – поддакнул Салават.

– Вот бы один туда, а другой сюда – удобно же!

– Не, не прокатит, – сказал Салават.

– Да и не позволят такое, – подал голос Вадим. – Махинации всякие начнутся.

– Да, махинации, – согласился Салават.

Он отбросил скуренный до фильтра бычок и сказал Вадиму:

– В Светлое, значит, идёшь?

– Угу, – отозвался тот.

– Ну давай, садись. Подвезём тебя.

Никто с места не двигался. Вадим докуривал сигарету, а двое его друзей серьёзно и задумчиво смотрели на лес.

– Мы не до самого Светлого, – сказал Рахим.

– А, да, – встрепенулся тут же Салават. – Там недалеко вообще-то – два километра. Кузница.

– В село не заедете?

– Не, мы просекой. Как с дороги свернём, высадим тебя.

– Да мне ведь так-то в Сомово.

– Ах, да, ты же с Сомова... Ну так даже лучше тебе. Ты тогда в Светлое вообще не заходи. Там если на просеке выйти – до Сомово километра три. Четыре может. За час-то в любом случае дойдёшь.

– Ладно. Только вы мне скажите, в какую сторону идти и где слезать.

– Слезать где скажем, – заверил его Рахим. – Тогда не на повороте, а в самой просеке высаживать его надо, да?

– Да, вроде, – отозвался Салават. – Ну там разберёмся.

С минуту помолчали.

– Ну что, тронемся тогда, – сказал Салават.

– Тронемся, – сказал Вадим.

– Поехали, – добавил Рахим.

Он сел за руль, Салават сзади, а Вадим полез в коляску.

Ехали с полчаса.

– Через километр высадим тебя, – кричал Вадиму Салават.

Выезжали на просеку.

– Если доедем, – повернулся Рахим. – Вон тут швыряет как!

Мотоцикл действительно заносило. Рахим вёл его сейчас совсем медленно. Салавата почему-то это злило.

– Чё ты его жалеешь? – кричал он. – Жми вовсю!

– Ты псих что ли?! – ответил через плечо Рахим. – Перевернуться хочешь? В дуб врежешься башкой – узнаешь.

– Ничё мы не врежемся!

– Нормально едем, не дёргай меня.

– Ну едь, едь, тихоход.

Остаток пути ехали молча. Лес в этой части находился, по всей видимости, под особым покровительством лесников. По обе стороны просеки деревья росли не так, как им хотелось, а правильными рядами. Кроны были пострижены под единый уровень, и хоть сейчас голые ветки не производили этой правильностью никакого впечатления, летом они наверняка выглядели красиво. Почему-то казалось, что вот-вот из-за стволов должна высунуться звериная морда. Этого конечно не происходило. Вадим вообще за всю свою жизнь видел диких животных лишь два раза. Когда-то давным-давно, в глухом детстве, белку, которая на пару секунд показалась сквозь листву, и чуть позже, будучи уже повзрослее – кабана. За кабаном они наблюдали с отцом, довольно долго. Правда с приличного расстояния. Он рылся мордой в земле и противно похрюкивал. Обросший чёрной щетиной, клыкастый – даже на расстоянии было страшно. Он скрылся наконец, а отец сказал Вадиму:

– Все люди – точно такие же свиньи.

Надавив на тормоза, Рахим остановил мотоцикл.

– Всё что ли? – спросил Вадим, осматриваясь.

– Здесь думаешь? – задал вопрос и Салават.

– Дальше везти нет смысла, – ответил Рахим. – Вот сейчас сюда, – махнул он рукой направо, – и напрямиком. Идти, идти, никуда не сворачивая.

Вадим выбрался из коляски.

– Три километра говорите? – спросил.

– Три, может четыре.

Он сошёл с просёлочной дороги и углубился в лес.

– В Светлом будешь – заходи! – крикнул на прощание Салават.

– Обязательно, – не оборачиваясь, ответил Вадим.

В магазин ходил редко, но приходилось. Хлеб, крупа – нужно. Старухи перешёптывались за спиной, переглядывались. Её встретил лишь раз. Зашёл, она последняя, смотрела, смеялась глазами.

– Здравствуйте, – сказал. Всем сразу.

Встал следом.

– Здравсьте, – отозвались бабки.

– Здравствуйте, – сказала она.

На голову ниже и со спины совсем хрупкой кажется. Плечики узкие, руки тонкие. Шея – ещё тоньше. Талия, бёдра, ноги. Дотронуться, хотелось дотронуться – и не выдержал, кончиками пальцев, самыми кончиками – по ягодице.

«Ты снилась мне сегодня, – говорил кто-то внутри. – Ты была совсем голой и бежала по полю. А я бежал следом».

Она поймала пальцы в ладошку и сжала. Нельзя, говорила, нельзя. Он не стал больше.

«Я тоже был голый. Мы бежали к реке, было жарко, а она почему-то не приближалась. Маячила вдали, манила – мы всё бежали, бежали».

– Да будет скоро завоз, будет, – лепетала продавщица Валя. – Эту не бери, она протухшая. Завтра-послезавтра привезут.

– Ну, ладно, подожду, – отвечала старуха. Рыбки хочется. Всё постное, да постное – солёненького бы.

«Но мы добежали всё же. Прыгнули с размаху в воду – она холодная, по дну ручьи бьют. Ты брызгалась и не подпускала. Ты гордой была, неприступной».

Она строга, молчалива. Смотрела в окне. Он видел кусочек носа и рта. И ресницы.

«Но я поймал тебя. Поймал, обнял – и целовал. Ты вырывалась, но лишь поначалу. Потом тебе понравилось. Но гордость не позволяла отдаться чувству, поэтому ты не разжимала губ. Просто лежала, закрыв глаза, а я целовал тебя. Ты не разжимала рта, но тебе было приятно».

– Семьдесят шестьдесят, – говорила Валя.

– Семьдесят шисят? Дорого как!

– Да ну как уж дорого! Как обычно. Всегда так было.

– Не, не было так.

– Да что ты говоришь! Всегда она так и стояла.

– Не знай, не знай. Не помню такого.

– Да ты вообще уже ничего не помнишь. Как звать-то тебя помнишь?

– Э, Валя, ты уж совсем...

– Что Валя, что Валя! Недовольны ценами – пишете жалобы. А мне ничё не говорите, не я цены выдумываю.

«На берегу – песок. Крупный, жёлтый, рассыпчатый. Мы лежали на нём и смотрели друг на друга. Молча. Я вытягивал руку и гладил твоё лицо. Глаза, губы. Губы особенно приятно было. Они тугие, набухшие. Кажется, надави – и сок потечёт. На них капли воды и ты слизывала. Я хотел тоже, но ты не позволяла – ты была гордой».

Переминались с ноги на ногу. Ждали очереди. Она продвигалась медленно. Они так и стояли последними.

«И ты заснула потом. Это так снилось мне – ты заснула. Прямо на берегу, прямо на песке. Заснула, а ветер усилился и волосы твои вздымались волнами. Я лежал рядом и смотрел на тебя. Длинная, чёрная змея обвивала твою ногу и ползла вверх по телу. Она шипела, высывала раздвоенный язык, а взгляд ее был холоден и страшен».

– Валюш, мне бы пасты.

– Томатной?

– Да. Попробую, что за паста такая.

– Одну банку?

– Одну.

– Ещё что?

– Консервов баночку.

– В масле только.

– А в томате нет?

– Нет, кончились.

– Ну, в масле давай.

– Всё?

– Ну и хлеб.

«Я поймал её, поднял над головой, а змея шипела и извивалась. Я свернул ей голову и бросил в реку – течение подхватило её и понесло вдоль берега. Она исчезла, но ты не проснулась. Я подхватил тебя на руки и понёс домой. Наш дом стоял на холме и в нём было совершенно пусто. Я положил тебя на соломенную подстилку и сел рядом. Я просто ждал, пока ты проснёшься, я хотел сказать тебе: „С добрым утром. Ты проспала целые сутки“. Но сутки прошли, а потом и другие, и я стал беспокоиться».

– Щас, Тань, щас, – говорила Валя. – Вижу, что ты давно стоишь. Старухи эти заколебали уже. Насядут скопом, одна другой глупее. Что надо, чего хотят – сами не знают. Чего тебе?

– Хлебушка, Валь, – последняя старуха, потом они.

– Двадцать.

- А вот это что такое?
 - Ну вот, началось.
 - Спросить просто.
 - Ром это. Ты ром что ли пьёшь?
 - А в какую он цену?
 - Пятьсот двадцать.
 - А-ба! Да кто ж его купит?
 - Кто-нибудь да купит. Вадим вон хотя бы. Он человек приезжий, богатый.
- Она обернулась. Взглянула – и обратно. Трепетно так, пронзительно.

«Какая-то страшная женщина заглянула в окно и сказала, что ты не проснёшься никогда, потому что это не сон, а смерть. Я прогнал её – глупую, старую женщину со своими нелепыми домыслами и продолжал ждать. Я не верил, что это смерть, ведь ты дышала. И кожа твоя была чистой, и губы всё так же алели. Я ждал, но к несчастью проснулся сам. Проснулся, и долго не мог вспомнить сон. Потом вспомнил и был очень удивлён – как могло такое произойти: ведь я здесь, а ты там – во сне, и всё ещё спишь. Разве может быть такое?»

- Что тебе, Тань?
- Хлеба. И банку кофе.
- Хлеб, банка кофе. Всё?
- Всё.

Подошел и его черёд.

Она уходила в это время. Уходя, обернулась. Взглянула яростно, зло даже – он видел краем глаза.

Выйдя наружу, опять увидел её. Шла домой. Обернулась, посмотрела. Злая. Гордая.

«Что ты, что ты! Разве могу я променять тебя? Вулканы забурились, лава потекла – мне уже не сдержать. Почему-то, когда-то – в какой момент? в какой миг? – стрелки перевели и часы идут по-новому. Чудесно, завлекательно – чудесно оттого, что не уловить начал. Не улавливать бы и концов, стало бы в сто крат завлекательней. Изумительно и так. Ты спишь ещё – где-то там, в моём собственном сне, и я даже не знаю – стоит ли тебя будить. Возможно ли это, осуществимо ли? Взгляды, которые дарила на прощание – да. Они – да, они говорят. Сон чуден, но и чуток. Я не осторожен, но если будить суждено мне – что же, пусть свершится. Я беру на себя ответственность».

Почва была мясистой, мягкой – ноги погружались в неё чуть ли не по щиколотки. Каждый шаг давался с трудом – за двадцать минут Вадим не прошагал и километра.

Он старался ориентироваться на ветви – их было вроде бы больше на той стороне, которая смотрела чуть влево и назад от направления его следования. Вадим оглядывался – не искривилась ли линия его следов. Она казалась прямой. Чем дальше от просеки, тем гуще росли деревья, и рука лесников уже не ощущалась на них. С ветвями становилось сложнее – теперь они покрывали стволы равномернее и служить ориентиром вряд ли могли. Вадим оставил это занятие.

Это было характерно для него. Человек широкой натуры, он просто физически не мог уделять внимание мелочам. Он живо и с азартом брался за новое дело и – нет, не бросал его на полпути, такой безалаберности за ним не наблюдалось – завершал его, всегда завершал. Правда не с тем хотением, какое наблюдалось поначалу. Детали отпадали, все силы направлялись на протаривание основной линии и пусть шероховато это выглядело, но сообразно с задумкой. Вредила ли эта особенность характера ему в жизни? Не знаю, определённо не скажешь. Мы все заложники собственных слабостей, они-то и создают нашу индивидуальность. Абсолютный человек – скучное существо. Он всегда прав, всегда собран и нацелен на результат, всегда достигает его. Ему чужды эмоции, а чувства не сбивают с намеченной

цели. Сомневаюсь, существуют ли такие в действительности и совершенно тщетны попытки коварных философов направить силы человечества по этому пути. Люди – дети порока. Сладкая нега разврата манит их к себе, в этом нет ничего унижительного – лучше пить из чаши разврата, но сладость, чем из чаши смирения, но горечь. Жизнь одна, после смерти ничего нет, после смерти – лишь пустое и гулкое небытие. Душу придумали пугливые мечтатели, которые не могли смириться с собственным концом. Глупые, наивные люди, вам ли бунтовать против положения вещей, вам ли сжимать кулачки на естественный ход мироздания? Все вы умрёте, и вас не встретит за порогом смерти благостный свет, его нет там. Жизнь оканчивается, когда останавливается сердце, холодные и рассудительные врачи понимают это. Понимают многие, но лишь некоторые отваживаются сказать свое гневное «нет» на лживые домыслы идеалистов. Дешёвая вера в бессмертие духа гуляет по людским умам, и люди настолько слабы, что не в силах воспрепятствовать этой иллюзии. Попадают под её жернова, живут надеждами на новые жизни – но исчезают в итоге. Исчезают в никуда. Новых жизней не будет – жизнь одна. Бога нет – он не поможет тебе с поиском нового тела и окружающей субстанции. Смерть явна и абсолютна.

Я тоже по молодости и неопытности создавал себе всяческие иллюзии, рождал всевозможнейшие химеры, верил в самую изошрённую небывальщину. Но шоры спадали со временем, и Истина – великая и единственная – открывалась мне во всей своей безбрежности. Истина – это пустота. Это ничто, это отсутствие. Это бескрайняя чернота – она холодна и холод обжигает, но к нему привыкаешь, он начинает нравиться. Бессмертие ужаснее смерти, я не хочу бессмертия. Я хочу конца, хочу завершения, хочу итога. Хочу исчезнуть в один из прекраснейших моментов и никогда не появляться больше. Так интересней, поверьте – уйти в никуда, стать ничем. Гнусная череда реинкарнаций – в чью только голову мог придти такой мерзейший образ! Рождаться, жить, умирать, рождаться снова, чтобы снова умереть – неужели это то бессмертие, какого вы хотите? Тихое, сладкое небытие, счастливое и умиротворённое отсутствие – вот чудеснейший из образов. Я хочу его, я к нему стремлюсь, и чёрт меня поberi – я буду в нём!

– Молодой человек! – раздался откуда-то сбоку звонкий женский голос.

Вздвогнув, Вадим обернулся. Улыбающаяся цыганка сидела прямо на земле, и цветастая её юбка была распластана словно парашют.

– Помоги пожалуйста, красивый!

– Что с тобой? – спросил Вадим, не трогаясь с места.

– Упала, встать не могу.

– Не может быть!

– Помоги, не обижай девушку! – скалила зубы цыганка.

Вадим осмотрелся. Никого вокруг не было.

– Никого нет, никого. На тебя одного надежда! – сказав это, она засмеялась. Откинула голову назад, распущенные волосы взмыли на мгновение. Смотрела озорно и пристально.

Не торопясь, Вадим зашагал к ней.

– Лес паршивый, – говорила цыганка, не спуская с него глаз, – одни кочки да сучья. Споткнулась вот, развалилась – а встать сил нет. Кто бы помог, думаю – и, глядь, ты идёшь. Ай, хорошо как – поможешь, поставишь девушку на ноги!

Какие-то проблески красоты угадывались в её смуглом лице. Губы были тонкие, зубы белые, глаза раскосые и смеющиеся. Красивые глаза. Задрав голову, она смотрела на Вадима. Сильный винный запах исходил от неё, но не раздражал – в нём было и что-то приятное.

– Встать не можешь? – спросил Вадим.

– Точно.

– Так кто же пьёт с утра?

– А сейчас уже не утро. Стемнеет вот-вот. Да и выпила я всего стакан.

– Давай руку.

Цыганка ухватилась и, тяжело охая сквозь смех, позволила поставить себя на ноги. Тут же едва не упала, но прислонилась плечом к дереву. Пуговицы на её блузке были расстёгнуты, шея оголена и даже предгорья груди открывались взгляду.

– Ай, спасибо тебе, красивый! Если б не ты – не знала бы, что делать.

– Не за что, – отозвался Вадим. – Как себя чувствуешь, снова не упадёшь?

– Ой, не знаю. Дай мне руку, держаться за неё буду, а то и вправду упаду.

Она взяла его руку и прижала к животу.

– Слышишь, как сердце бьётся?

Глаза её были прищурены, рот приоткрыт.

– Сердце не там, – сказал Вадим.

– А где? – почти шёпотом спросила цыганка.

– Выше.

– Вот здесь?

Она положила ладонь на левую грудь. Грудь впечатляла – была тугой, упругой и очень приятной на ощупь.

– Да-а, – сказал Вадим. – Очень учащённое сердцебиение.

Положил свободную руку на соседнюю. Цыганка отступила на шаг.

– Ну хватит, хватит, – отстранилась.

Вадим убрал руки. Засунул их в карманы куртки. Цыганка выпрямилась, оправилась, застегнула все пуговицы на блузке и плотнее запахнулась платком.

– Куда путь держишь? – спросила его.

– К дому, – отозвался Вадим.

– И где твой дом?

– В Сомово. Знаешь такую деревню?

– Знаю.

– Вот, туда иду.

– Как звать тебя?

– Вадим.

– Вадим... Красивое имя.

– А тебя?

– Меня – Настя.

– Очень приятно.

– А что мы стоим? – спросила она. – Пойдём потихоньку, мне тоже по пути.

– Тоже в Сомово?

– Нет, ближе.

Они тронулись. Шагали не спеша.

– Ближе – это куда?

– Да тут наши быть должны.

– Табор?

– Нет, табор не здесь. Табор у реки.

– А здесь что – засада?

Цыганка хохотнула.

– Вроде того.

– На кого – на меня?

– Не-е, нужен ты нам.

– А что? Устроили засаду, тебя вперёд подослали...

– Для чего?

– Ну, мало ли! Сгубить меня решили.

- Я тебя первый раз в жизни вижу.
- Так это лучше даже. Изведёшь меня – и никакой жалости.
- Чем изведу?

– Ну, мало ли чем можно, – он обнял её за талию. Она не отстранилась и руки не убирала. Вадим остановился. Остановил и её. Обхватил обеими руками, прижал к себе, ткнулся губами в её лицо.

Она не вырывалась, позволяла себя целовать, но сама не отвечала.

Вадим нагнулся, подхватил её на руки и положил на землю. Так резко, что Настя удари-лась об неё головой.

– Ну, вот, – закатывая глаза, бормотнула она, – только что валялась и снова...

Под первым подолом оказался другой и вроде бы были ещё. Он закинул их все разом. Под ними оказались рваные коричневые колготки – дыры красовались на коленях и между ног. Из той, что между ног, проглядывали серого цвета трусы. На ногах у Насти были потрескав-шиеся ботинки, очень похожие на армейские. Вадим шарил по ней руками.

- Ну не здесь же ... – шептала она.
- Больше негде, – отвечал он также глухо и сдавленно. Рука его залезла в трусы.
- А вдруг у меня гонорея? – сказала она, глядя на него из-под полуприкрытых век.
- Ну и пусть, – ответил Вадим, стаскивая колготки.

Настя вцепилась в них.

– Не, надо Вадим!

Он попытался отстранить её руки.

- Не надо, пожалуйста.
- Что такое? – спросил Вадим шёпотом.
- Я не хочу.
- Почему?
- Не хочу и всё.
- Да мы быстро. Никто не увидит.
- Не в этом дело. Просто я не хочу.
- Я тебе не нравлюсь? – улыбнулся он.
- Нрависься, – ответила она. – Но сегодня не надо. В другой раз.
- Другого раза не будет.
- Ну, Вадим, пожалуйста!

Он ослабил хватку, потом и вовсе отпустил её. Завалившись набок, перевернулся на спину. Между голых крон деревьев мерцало тёмное небо. Всё оно было одной сплошной тучей.

- Опять дождь будет, – сказал он.
- Стоя на коленях, цыганка оправляла одежду.
- Да, наверное, – отозвалась она, подняв глаза.
- Дойти бы до дождя. Второй день шляюсь – домой попасть не могу.
- Не пускает кто?
- Да, кто-то не пускает.
- Такое бывает.
- С тобой тоже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.